

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

ДВА АНГЕЛА

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

2014

Александр Герзон,
Два ангела
(стихи разных лет)
2014

Все права сохраняются за автором
All rights reserved

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Оглавление	3
Из цикла «Истина»	
Открытие	8
Трое	8
Апокалипсис	9
Голос	9
Видения	10
Внуку Владимиру	10
Воспоминания	11
Счастье	12
Спасение	12
Стук	13
Половины	13
Черные звезды	14
Знаешь ли ты?..	14
Мудрость судьбы	15
Всепонимание	16
О наслаждениях	16
Суббота	17
Увядаящая роза	17
Виадук	18
Доверие	19
Исповедь	19
Из цикла «Катастрофа (Шоа)»	
Мальчик с поднятыми руками	20
Маленький памятник	25
Сирена	26
Мой дядя Хаим	27
Катастрофа (Шоа)	30
Вторая мать	31
Наш сосед	32
ИЗ ЦИКЛА «ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ»	
С о н	33
Сон чудесный	34
Люблю ее	35
Маленькая солдатка	35
На пути к синагоге	36
Шуламит	37
Авокадо	37
Рамат-хашарон	38
Утро в Рамат-хашароне	39
Святая Земля	40
Мой путь к синагоге	41
Чета с коляской	42

ИЗ ЦИКЛА «ВОСХИЩЕНИЕ»

Благодарный бокал	43
Простые лица	43
Марсельеза	44
Память	46
Я славлю мать!	46
Галерея	47
Сеанс связи	48
Рука	48
Сестрица	49
Зависть (Герои)	50
Дон-Кихоты	51
Математичка	52
Водитель	53
Мой отец	54
Бригадир	55
Славный бард	57
Мотоциклисты	58
Одинокий муравей	58
Чтица-фея	59
Климентию Югаю	60
Мужчинам - 8 марта	60
Восхищение	61

ИЗ ЦИКЛА «ПЕСНЬ О РОССИИ»

Встреча с молодостью	62
Туман	62
Старик	63
В лесу подмосковном	64
Ветеран	64
Каток	65
Жидомахия	66

ИЗ ЦИКЛА «МУЗЫ»

Чарли	67
Графоман или поэт?	69
Слушая Вертинского	70
Самовыражение	71
Образ	71
Актриса	72
Джоконда	72
Бетховен	73
Талант	73
Искусство	74
Начала	74
Поэзия	75
Мой стих	76
Мадонна	77
Стимул	77

Парень с галерки	78
ИЗ ЦИКЛА «БОЛЬ»	
Пытка	79
Раскаяние	79
Мое сердце	80
Ответ	81
Два ангела	82
Прогресс	83
Три вопроса	83
Цена покоя	84
Записка	84
Печка	84
Роль?	85
Цветы юбилейные	87
Азкара	87
Как бы интеллигент	88
Покаяние	88
Плач о матери	89
Может быть ...	91
Второе пророчество	91
Твое письмо	92
Прощальный шепот	92
Ты помнишь?..	93
Злая гроза	94
«Твоя»	94
На мосту (Слепая богиня)	95
Жалкая	96
Прости!	97
Ночное признание	98
Друзья мои	99
Вернись!	100
Пальчики	101
Боль	102
Жалоба	102
У парапета	103
Юбилей	103
Аттестаты	104
«- Мама ...»	105
Средство верное	107
ИЗ ЦИКЛА «МОЛЬБА»	
Крик отчаяния (Крик)	108
Братьям	108
Молитва о ключе	109
Поверь!	109
Опомнитесь! (Душа еврея)	110
Зов	111
Росточек	112

ИЗ ЦИКЛА «ПЕСНИ»

Верю	113
Примета	114
Песня моряка	114
Песня влюбленного	115
Резное крыльцо	115
Несмеяна	116
Песня о маленьком городе	117
Девичья песня	118
Тумбалалайка (перевод с идиш Шая Сеник)	119

ИЗ ЦИКЛА «УЛЫБКА»

Акростих	120
Змея	120
Хитрая стрела	121
Лимерики	122
Артист и зритель	125
Звездочка	126
Кем была ты?.. (Метаморфозы)	127
Я птицей был ...	128
Волшебники	129
Соблазн	130
Кошачий двор	131
Диспут (Диспут о любви)	133
Жар-птица	135

ИЗ ЦИКЛА «УСМЕШКА»

Душа и плоть	136
Исповедь курильщика	136
Экологу	136
Станный сон	137
Аэлита	140
Опоздала ...	142
На закате	143
Шестерки царские	144
Хныканье	145
Виртуальная нимфа	146
Баллада о проститутке	147
В полночь (Ночной разговор)	149
Спор	150
Жена	152
Алкаши	152
Антибаллада	153
Нимфа и сатир	154
Было ли?	155
Вот так ...	155
Встреча	156
Усмешка	
Ночь на старой даче	157

ИЗ ЦИКЛА «БАСНИ»

Басня без морали	158
Лесок и Пожар	159
Свиное новаторство	161
Медведь на плотине	162
Енот и НОТ	163
Дуэль	165
Сам и Зам	166
Слон и Коза	167
<i>Об авторе и его творчестве</i>	168

ИЗ ЦИКЛА «ИСТИНА»

Открытие

Я, сбиваясь, объяснился -
Ты ответила глазами:
Взором душу окрылила -
И исчез окрестный мир.
А в душе сияли волны
Ослепительного света,
Волны песни стоголосой
Пробуждения от сна.
Потому что сном глубоким
Было все до встречи этой:
Серым сном, порой - веселым,
Иногда - и страшным сном.
Пробуждаясь и ликуя,
Понял я, что стал Вселенной,
Что меня в свои объятья
Принял Космоса простор.
Что отныне я и Космос
Неразлучны и подобны,
Потому что ты - мой Космос
Без начала и конца.

1970.

Трое

Втроем судьбу троих решая,
Бледнели женщины и он.
Их спору горькому мешая,
Звенел ехидно телефон.

Мужчина, трубку поднимая,
Бросал на место. Вовсе снял.
Но выл, виски троим ломая,
Больной, пронзительный сигнал.

Пророчил, воя, что беседа
Впустую кончиться должна,
Что чьей бы ни была победа,
Страданья всем несет она.

1970.

Апокалипсис

Осталось немного: уже накопилось
Такое, что нашим отцам и не снилось.
Дебилы оружием тем завладеют -
И в ход его пустят. И - мир озверееет.

И волки улягутся с овцами рядом,
Лишенные сил излученьем и ядом.
И злобных мутантов ужасные тучи
Обрушатся смертною карой могучей.

Я вижу: война, многоликий убийца,
Охватит весь мир, не взирая на лица.
И вмиг переломятся гордые выи.
И мертвым завидовать будут живые.

Укрывшись в подземных схоронах готовых,
Они не спасутся от вирусов новых,
Лучей небывалых и собственной злобы:
Она их добьет и уложит их в гробы.

Но видится мне сквозь дымы пессимизма
Всемирного братства святая отчизна,
Община ревнителев истинной веры,
Презревших сует и амбиций химеры.

14 августа 2001 года.

Голос

Вдоль улиц Иерусалима
Автобус ехал, не спеша.
И голос слушала незримый
Затрепетавшая душа.

Нежнее был он колыбельной -
И громче грома в тот же миг.
Казался в выси беспредельной -
И в глубину души проник.

Без слов был голос откровенья,
Но сутью пламенной глубок :
К единству звали поколенья -
К единственной из всех дорог.

1998.

Видения

Играет ветер облаками
В таинственной голубизне.
Рисую струйными руками,
Виденья предлагает мне.

То замок - грозный, неприступный.
То – легкий парусный фрегат.
То – девы профиль: легкий, смутный.
То – строй шагающих солдат.

Вот гордый лев на пышном троне.
Там – грузовой автомобиль,
Вот мчится тройка, чудо-кони,
Вздымая облачную пыль.

Не сохраняет в небе ветер
Недолгих образов гряды.
Лишь дремлет след видений этих –
С душой и Вечностью в ладу.

13 июня 2004.

Внуку Владимиру

Бескорыстно любуйся прекрасным!
С убежденным не спорь понапрасну!
Никогда никому не завидуй!
Распрощайся с давящей обидой!
В каждом деле найди свою меру –
И не следуй дурному примеру!
Думай денно и ночью о главном;
Лишь потом – о приятном, забавном.
Пожалей переполненных злобой
И довольных своею особой!
Приласкай безнадежно больного
И беднягу ревнивца шального!
От похвал возноситься не стоит:
Это – временное и пустое ...
Но предательству нет ни прощенья,
Ни сочувствия, ни сожаленья!
Мсти за зло, не взирая на лица!
Отплати за благое – сторицей!
Уступай амбулансу дорогу –
И доверься Всесильному Б-гу!

22 сентября 2005 года.

Воспоминания

Мы помним прошлое фрагментами:
Они взрывали будней ровность,
Нежданнами цветными лентами
Сменяя сонной лжи условность.

Ах, как отратно вспоминаются
Те наслажденья дней далеких,
Что в память радужно вливаются
Подъемной силой мыслей легких!

Но есть фрагмент, что лентой черною
Иль ядовитую змею
Вползет в сознание покорное
И давит тяжестью земною.

То память о былых страданиях,
То память о деяньях грешных,
Упрямстве и непослушаниях,
Решеньях глупых и поспешных.

И есть еще воспоминания,
О том, что было ... до рожденья,
В них – тайна сверхземного знания,
Загадка перевоплощенья.

Услышав в детстве речь английскую,
Я ныл с рассвета до заката:
Та речь знакомая и близкая!
Я понимал ее когда-то!

И было, было то же самое,
Когда язык звучал немецкий,
Куда-то вновь звала душа моя,
Смущая мой рассудок детский.

И слезы, и тоску огромную
О чем-то древнем вдруг будили
Мелодии Востока томные,
Когда в мой слух они входили.

Я верю в перевоплощения.
Пока их тайна не раскрыта,
Но день придет – ее решение
Взорвет убогий сумрак быта.

2 июня 2006 года.

Счастье

Тот мир покидает рано,
Другой - догоняет позже.
Один жил в рубахе рваной ...
Другой же богато пожил!

Один погибает в муках.
Другой - засыпает словно.
Один - среди детей и внуков.
Другой - среди мерзавцев злобных.

Но Счастье совсем не в этом.
Во взгляде назад все дело.
Кем был ты? Вождем? Поэтом?
Не зря ль жил на свете белом?

Что взять для себя сумел ты?
Что дать ты сумел народу?
Гремели аплодисменты
Восторгом иль в страх, в угоду?

Ты к славе спешил, к богатству
Иль яро стремился к власти?
Ты звал ли народы к братству
Иль только к любовной страсти?

Кто счастлив? Ты сам, неспешно
Подумав, ответишь честно:
Чья совесть светла, безгрешна,
Кто с Правдой дружил Небесной.

2013.

Спасение

Женщина, для всех обыкновенная,
Ты из снов моих и из мечты.
Благодарно преклоню колена я:
Душу мне спасла сегодня ты.

Может быть, сама не поняла того,
Может быть, и знала наперед,
Как душа больна у виноватого,
Как от слова мудрого поет.

2003?

Стук

Я слышал глубокой ночью:
Огромный мотор стучал,
Непреодолимой мощью
Судьбы колесо вращал.

Всего на одно мгновенье
Мне дан был нездешний шум -
Великое откровенье
Стучалось в мой ломкий ум.

Боялся впустить: обрушу
На ум неземную жуть!
Не просто больную душу
Осмелиться распахнуть!

1993.

Половины

Бродит по свету половина -
И другую тревожно ищет.
А упустит - сама повинна:
На чужие - не пяль глазищи!

Половину узнать при встрече
Может тот, кто любовью дышит:
Разум верит плетенью речи,
Сердце душу живую слышит.

Кто ж другого любить не может,
Тот - навеки без половины.
И никто ему не поможет.
И другие в том неповинны!

1978.

Черные звезды

Слышал я, черными звезды бывают -
Те, что от нас свою тайну скрывают.
И потому, очевидно, их тут
Черными дырами люди зовут.

Черные звезды в глубинах Вселенной,
Может быть, светят красою нетленной
Тем, кто способен красу их понять -
И перед ней на коленях стоять.

1985.

Знаешь ли ты?..

Знаешь ли ты, что такое любовь твоя к матери?
К той, что тебя родила и вскормила соском своим?
Эту любовь ты почувствовал, став сиротиною?
Просто ценить не умел неоплатное ...

Знаешь ли ты, что такое любовь твоя к родине?
К той, что дала тебе знания, друзей и жену твою?
Эту любовь ты познал лишь в дали отлучения?
Просто ценить не умел неоплатное ...

Знаешь ли ты, что такое любовь к человечеству?
К тем миллиардам, что мчатся
сквозь Космос загадочный?
Это - любовь через боль твоих мыслей
и слез твоих?
Или ты понял, что мчимся мы, глупые, к гибели? ...

1997.

Мудрость судьбы

О тайная мудрость подарков судьбы!
Когда ж ее люди познают?
Зачем-то прекрасны, нежны и слабы
Те жены, что в бездну толкают.
Подарит зачем-то судьба без заслуг
Ничтожеству громкую славу,
Мерзавцу достанется преданный друг,
Ленивцу - наследство в забаву.

Мы ропщем, мы злимся, не в силах понять,
Куда справедливость девалась,
Пытаясь законы судьбы изменять
Хотя б на доступную малость.
И в мире царят суета, маята.
Хоть издревле знают в народе:
Ценнейший подарок - души чистота,
Стремленье к Добру и Свободе.

Понятна ли мудрость ударов судьбы?
Бывают удары-знаменья.
Удары, чтоб гордо восстали рабы.
Удар - от позора спасенье.
Удар, чтобы совесть проснулась в тебе,
Чтоб силы не тратил ты даром.
С судьбою не спорь, доверяйся судьбе -
Подаркам ее и ударам.

1987.

Всепонимание

Я помню, девочка-подросток,
Нередко поражала ты
И сверстников своих, и взрослых,
Покоем честной правоты.

Была без ложности скромна ты,
Чиста душой, как первый снег.
Но вдруг во взгляде - взрыв гранаты -
Блеснул всепониманья смех.

Ты стала верною женою,
Ты сыну - преданная мать.
И вот ты вновь передо мною,
И так легко тебя узнать:

Знаком тот тихий нежный голос;
И добрый взгляд совсем не нов,
И жеста плавная нескорость,
И искренность немногих слов.

Все та же? Нет, совсем другая:
Глубины взора скрыла сталь,
От глаз чужих оберегая
Всепонимания печаль.

1978.

О наслаждениях

Не высшее ль из наслаждений
Дано в момент соединений
Двух единиц желанной плоти
В любовной сладостной заботе?

Гораздо выше миг творенья,
Святого творческого рвенья:
Оно владеет вдруг тобою,
Взнеся над вещностью люблю.

Но нам дано, решусь сказать я
Всем людям мира без изъятья,
Владенье высшей красотой -
Молитвой чистою, святою.

1997.

Суббота

Я по субботам предаюсь
Благочестивым размышленьям:
Иду в бейт-кнессет. Я молюсь,
Охвачен девственным волненьем.

Мольба моя - сильнее слов:
Я между строк прошу прощенья
За ярость, гнев, за нелюбовь,
За все грехи и прегрешенья.

Неделя будней настает,
И с ней - пустых страстей кипенье.
Но помню я: суббота ждет,
Души святое обновление.

1997.

Увядаящая роза

Печально роза увядала ...
Увы, закон Судьбы - таков ...
Но пламя все еще пылало
В окраске нежных лепестков.

И слабый, еле различимый,
Струился дивный аромат.
Еще он был страстей причиной,
Тая в себе и рай, и ад ...

17 декабря 2011 года, 11:05

Виадук

Возле самого вокзала
Виадук застыл крылато
И подслушал, что сказала
Провожавшая солдату:

- Мой любимый, на прощанье
Обними меня покрепче,
Чтобы время ожиданья
Память делала бы легче.

Он обнял, сильнее, чем прежде,
Горячее и нежнее.
О любви и о надежде
Друг шептал, прощаясь с нею.

Ту любовь благословляя
Взмахом, вечно напряженным,
Силой веры наделяя,
Виадук звенел влюбленным:

- Ни разлука и ни время
Двух сердец не одолеют.
Не дана им власть над теми,
Кто упорно ждать умеет.

Пусть бессильно отступают
Бури, грозы и туманы!
Пусть разлуку завершает
Праздник встречи, день желанный!

Стало тихо, как вначале.
За минутой шла другая.
А влюбленные молчали,
Тайну чуда постигая.

1980.

Доверие

Чтобы быть на людей похожим,
Я себя заставляю лгать:
Мы ведь многое сделать можем,
Чтобы правдой не испугать.

Не рыдаю в концертном зале,
Силой музыки в рай скользя:
Мне ведь в детстве еще сказали,
Что нельзя так. Совсем нельзя!
Дураку не скажу: - Дурак ты!
Все равно не поверит он ...
И к носителю катаракты
подавлю сострадательный стон.

И ничем уж не выдам чувство,
Что любовью зовут вокруг.
Нет, неправда: краснею густо,
О тебе если спросят вдруг.
Ты в душе моей - на прогулке:
Допустил я тебя одну
В сверхсекретные закоулки,
В сверхзапретную глубину.
Потому что одна на свете
Принимаешь меня таким.
Потому-то и строки эти
Доверяю рукам твоим.

1971.

Исповедь

По грязи и пороше
Шел нетвердой ногой
Я - плохой, я - хороший,
Я - ни тот, ни другой.

Шел за правдой своею,
Заплетаюсь во лжи -
И ломал себе шею,
Одолов рубежи.

1986.

ИЗ ЦИКЛА «КАТАСТРОФА (ШОА)»

Мальчик с поднятыми руками

Я теряюсь и тайно тоскую,
если увижу его
на фото или на экране.
И сдавлено сердце мое
не затихающей ни на секунду
Болью сочувствия ...
Он стоит, растерянный, затравленный,
С поднятыми вверх руками.
Как пленный солдат,
потерявший
волю к сопротивленью.
На груди у него –
большая,
желтая,
кем-то поспешно пришитая
(возможно, несчастною матерью крошки)
Звезда.
Звезда Давида.
Или сам он, несчастный,
пришил ее
к жалкому пиджачку?
Такой беззащитный,
маленький, грустный, тоскливо глядящий!
В таком большом картузе!
Мальчик с поднятыми руками ...
Шоа. Катастрофа.
Нечто немыслимое.
Неправдоподобное.
Некий кошмар –
для сознания нормального.
Планомерное уничтоженье.
Пулями.
Газом.
Огнем.
За что?!
За то, что евреи. И только за это?!
Так повелел ненормальный.
И многие как бы нормальные люди,
ликуя и злобно беснуясь,
убийцами и палачами
стали охотно.
Они выполняли

вождя своего повеленье.
Как странно: он не был упрятан
в психиатрическую
больницу ...
Он был миллионам, нормальным как будто, -
вождем и кумиром.
Рейхсканцлером был он.
И были с ним рядом собратья,
его окружавшие преданно, долго,
почти до гибели самой.
И были обычных людей миллионы,
в нем увидавшие то,
что хотели увидеть.
Он возглавлял, погрузив ее в тьму,
издавна слывшую очень культурной
страну
цивилизованной старой Европы.
Был он бездетен.
Но сотни тысяч детей
были убиты по плану маньяка -
Не потому ли, что сам был бесплоден?
Были ли дети у тех,
кто стал палачами?
Или все они были бездетны, как фюрер?
И как же тогда понимать, что иные народы,
совсем не арийцы,
как дело святое,
свершали убийство людей безоружных?
Мужчин убивали они,
но также и женщин беременных,
богобоязненных старцев,
калек безутешных.
И даже и младенцев,
невинных и нежно-прекрасных.
И матери,
любящие своих -
не еврейских! - детей,
с улыбкой недоброй вели
молящих о помощи скорбно
еврейских малюток,
за ручку,
ухваченную
очень крепко,
к безжалостным палачам.
Добро убиенных, конечно же,
тем, кто убил иль донес, доставалось.
Добро ...

Квартиры и мебель, и множество книг,
И вещи! Порой - драгоценные вещи!
Добро, иступленным трудом нажитое!
Иль даром природы - талантом.
Накопленное не одним поколеньем.
И все это – даром досталось
наследникам тем незаконным,
доносчикам и палачам - и просто соседям ...
Даром ли?! Нет!
А за плату иную,
плату душою,
проданною незаметно
в тот час испытанья.
Бессмертную душу свою не жалели,
Пропажи ее не заметив ...
Знаю я, были иные. Праведники.
Те, кто рискуя
собственной жизнью,
спасали от смерти невинных,
злодейски приговоренных.
Но сколько тех праведных было?!..
Знаем мы все:
сотни тысяч евреев
в армиях против фашистов сражались,
и в партизанских отрядах.
Знаем мы все: сотни тысяч евреев
Ночью и днем на заводах оружие ковали.
Знаем мы все: сотни тысяч евреев
жизни отдали свои
в битвах и в буднях труда
во имя победы.
Все так.
И мы перед ними,
как и перед всеми,
кто, жизни своей не щадя,
Человечество спас,
в долгу неоплатном.
Гордятся народы
Героями страшной войны.
И память погибших мы чтим.
Но он мое сердце терзает!
Мальчик в картузе,
с лицом уходящего в Вечность!
Маленький мальчик с нашитой звездой Давида,
смотрит, как будто не веря, что это не сон ...
И что он никогда

не проснется с улыбкой ...
Но нет!
Он уже начинает
все понимать ...
Видел я страшную тел истощенность.
Видел ощеренность проволоки беспощадной,
колючей.
Видел тела, где остались лишь кожа да кости.
И - глаза,
что в мир наш с последней надеждой смотрели.
Видел я дым из печей Аушвица.
Видел я груды вещей, и зубов золотых,
и прекрасных волос умерщвленных красавиц.
То, что осталось от тех, кто в синее небо
черным дымом ушел.
Но ужасней всего, что я видел, -
Этот маленький мальчик,
что стоит обреченно,
потерявший надежду
не только на счастье, но даже на самую жизнь.
Мальчик - с желтой звездой, нашитой,
чтоб с теми детьми, что останутся жить,
чтобы с теми, другими, такими же точно,
его
не перепутать.
Да, не перепутать его
с теми, кто не еврей, -
и по этой причине
как бы законное право имеет
жить.
Маленький мальчик из бедной семьи.
Он не успел еще в мире подлунном
Ни совершить героический подвиг,
Ни нагрешить, ни закон преступить ...
Смотрит он в Вечность, не на меня.
Но как будто
хочет сказать он
и мне, и любому, и всем нам
то, что слышится мне:
- А ведь это и ты
мог бы стоять здесь,
на месте на этом, где я так тоскливо стою
с поднятыми руками.
И любой,
кто сегодня не знает,
что могло бы с ним быть в те года.
И - что может случиться с любым человеком,

Народом иль расой.
С любой частью света
на этой планете Земля.
Иль со всею планетою нашей.
Сегодня.
Иль завтра.
Иль через столетье.
Когда овладеет больными умами
безумье,
прикрытое неким ученьем,
крушащим
устои сохранности рода людского,
крушащим
и сам здравый смысл,
крушащим - и делом, и словом -
Великие Заповеди.
А их и всего-то лишь десять.
А, может быть, даже и меньше –
Всего лишь одна:
« Люби, человек, человека любого,
как любишь себя! »
Мальчик в картузе,
Мальчик с нашитою желтой звездой Давида,
Мальчик
с поднятыми руками!
Ты призываешь людей
осознать себя родом единым,
стать человечеством не на словах,
а на деле.
Стать человечеством истинной дружбы народов,
религий и рас,
вместе отбросивших тяжесть
взаимных обид, недоверья и злобы.
Вместе обретших и мудрость
стремленья к возвышенным целям ...
Будет ли зов этот нами услышан?

29 мая 2003 года.

Маленький памятник

Маленький скверик в Рамат-ашароне,
Тонких дубков молодые ряды.
Памятник - медный цветок на ладони -
Грустное эхо огромной беды:

Братика за руку держит девчушка,
Лет ей, наверно, не больше пяти.
Он еще меньше сестренки. Неужто
Мимо спасенья ведут их пути?

Каждый прохожий увидит невольно
Жалкий мешочек в захвате руки.
Что в нем? Подачки людей сердобольных?
Мячик резиновый? Кукла? Чулки?

Разве имело значение это,
Если погибель их всюду ждала:
Иль на дороге, иль в лагере, в гетто?
Если родителей смерть увела?

Идучи мимо, я шаг замедляю.
Небо – темнеет. Морозит – в жару.
Памятник-крошка покой мой взрывает ...
За руку держит братишка сестру ...

20 апреля 2006 года.

Сирена

Две минуты звучала сирена.
Две минуты я молча стоял.
И сквозь мрак под свечою нетленной
Рой видений в сознание вставал:

Груды горестных тел обнаженных –
Разных возрастов, разных ростов,
Жалких, тощих и изнеможенных;
Черногубость трагических ртов;

Колыхание Бабьего Яра,
Погребенных, живых еще, стон;
Запах водочного перегара –
И бокалов убийц перезвон.

Над Освенцимом, лагерем смерти,
Из печей выползающий дым –
Страшный вызов людской круговерти,
Тяжелейший укор всем живым;

И за проволокою колючей –
Среди сотен невинных детей –
Та, что вдруг обнажает на ручке
Номер, мерзко наколотый ей.

Те, кто в вечность ушел, непременно
Отомстят за гибель свою.
Отзвучала, умолкла сирена.
Почему ж я стою и стою?

2007.

Мой дядя Хаим (МАЛЕНЬКАЯ ГОРЬКАЯ ПОЭМА)

Три дочурки у Давида с Эстер,
Мальчика четвертым ожидают.
- Будет радость девочкам. - И вместе
С нами мальчугана воспитают.

Вдруг цыганка стала у порога:
- Милая, давай я погадаю.
- Уходи, надеюсь я на Б-га,
Ворожить не стану, не желаю.

- И напрасно. Я ведь не простая,
И меня тебе послушать стоит.
- Это ложь. Святой Танах читая,
Знаю: лишь Вс-вышний судьбы строит.

- Что ж, беду сама себе создашь ты:
О такой, как я, мечтают люди.
Мальчика родишь, притом - в рубашке.
Но счастливым твой сынок не будет.

- Уходи, - Давид сказал сердито.
Ласково жену приуспокоил:
- Обращусь я к Г-споду с молитвой,
Чтобы колдовство ее расстроил.

И едва цыганка удалилась,
Эстер улыбнулась, дверь закрыла.
Муж молился. И она молилась.
О цыганке вовсе позабыла.

Лишь когда родить настало время,
Лишь когда ребенок вышел в пленке,
Вспомнила ее - словами теми
Объяснялось то, что на ребенке.

Впрочем, повитуха дело знала
И плаценту быстро отделила.
Мальчика мамаше показала.
Он кричал. И все нормально было.

Смелым Хаим рос и разудалым,
Умным был, веселым, ловким, сильным.
На лету любую мысль хватал он,
Рисовал, стихи слагал красиво.

День пришел - учиться снарядили.
Не могли им в школе нахвалиться.
Завистью соседи исходили,
Злобствуя, кривя хмельные лица.

- Ленька, сын! Жиденок задается!
Вверх прорвется, коль не остановим.
Потому пора ему, сдается,
Водочкой разбавить литры крови.

Постараемся, сынок горбатый!
Из-за них, жидов, все наши беды.
Угощай же водочкой жида ты,
Втягивай. До полной до победы.

Пусть и он, чистюленька проклятый,
Станет алкашом, как мы с тобою.
Этим не спасешься от горба ты,
Но зато расправишься душою

Вот уж мы с тобой повеселимся,
Вот уж и споем мы, и попляшем!
Мы его судьбой распорядимся,
Станет собутыльником он нашим.

Ах, беда, беда на Бессарабке:
Мой любимый дядя Хаим Гильскер
Стал добычей тех соседей гадких:
Юношею к водке пристрастился.

Чтоб изгнать привычки те дурные,
И лечили парня, и просили ...
Выбились совсем из сил родные:
Что ни делай - водка пересилит.

Девушку любил, писал стихи ей.
- Выбирай, - сказала, - я иль водка!
Нет, не одолел он злого змия -
И не стала ждать его красотка.

Доблестный танкист неустрашимо
В армии служил Дальневосточной.
Там не пил. Вдруг командарм любимый –
Враг народа. Горько стало, тошно.

Заливал пожар недоуменья
Снова той же водкой распроклятой.
В лагерь угодил. От заключенья
Лишь война избавила солдата.

Воевал не в танке он – в пехоте.
Прямоком из лагеря – в сраженье.
Не в штрафной ли той стрелковой роте
Командиром стал он отделенья?

Пал в атаке, среди многих пал он.
Только где же, где его могила?
И откуда смерть его достала:
С фронта или подлой пулей с тыла?

Горестную справку от архива
Мы спустя полвека получили –
Ожил снова свет тех дней счастливых,
Что с любимым дядей проводили:

Фокусы, катанье на загорбке
И качанье на руке могучей,
Зимнее скольжение с той горки,
Что всех горок киевских покруче;

Дядин смех и горькие остроты,
И тетрадь с любовными стихами,
И рисунки дивные - и что-то,
Что не выразить уже словами:

То, что болью в сердце сохранилось,
Что поет в нем скорбной песней вещей,
Что из смеха в слезы превратилось,
Что огнем святой свечи трепещет.

Снова над усталую планетой
Вознесутся залпы в День победы.
Юный дядя Хаим, где ты? Где ты?
Сверстники уж прадеды, не деды ...

2008.

Катастрофа (Шоа)

Было шесть миллионов их -
Тех, погубленных силой черной,
Тех - и старых, и молодых,
И - не сдавшихся, и - покорных.

Тех: невинных грудных детей
И беспомощных инвалидов,
Обезумевших матерей
И героев, выдавших виды.

Снится мне по ночам кошмар:
Снится лагерь уничтоженья,
Многорядье проклятых нар,
Провод смертного напряженья.

Снится долгий последний стон
Из-за той беспощадной двери.
И в обличьи почти людском -
Улыбающиеся звери.

Снится лай разъяренных псов,
Снится мальчик в большом картузе:
Мальчик - я, он - мой крик, мой зов.
Я - тот худенький, грустный узник.

Ах, откуда кошмарный сон?
Я же в лагере не был этом!
Но терзает мне душу он,
Спутник дней моих с детских лет он.

Потому я о нем пишу,
Что на утреннем пробужденьи
Я из лагеря выношу
Память страшных ночных видений.

Полегли на полях войны
Смертью храбрых дядья и братья.
Мне же лагерь являют сны.
Не могу от них убежать я.

1993.

Вторая мать

Когда толпой вели невинных
Чтоб в вечную отправить ночь,
На них смотрела Украины
Совсем молоденькая дочь.

Увидела, как мать девчонку,
Рыдая, за руку ведет -
За очень тонкую ручонку ...
Их взгляды встретились. И вот

Рванулась женщина от тына,
Девчонку к сердцу вмиг прижав,
Крича: - Та то ж моя дытына!
И благодарный взгляд поймав:

Мгновенно поняли друг друга -
Еврейка, что одна пошла,
И та нежданная подруга,
Что крошку на руки взяла.

Война окончилась. Сыскалась
Спасенной девочки родня -
И увезла. Но не рассталась
Душа с душой ни на пол-дня.

Та, что под именем Одарки
Удочерилась той святой,
Вновь стала Цилей. Шлет подарки
Далекой матери второй.

Шлет письма нежные из Штатов
Геройской матери своей
Она, спасенная когда-то
От так похожих на людей.

Сама к любимой приезжает -
Так благодарна, так светла.
Былое с нею вспоминает
И ту, что страшно в тьму ушла.

Зовет к себе: семья согласна.
Но Ганне дорог край родной.
И - даже если жизнь ужасна,
Уже не нужно ей иной.

1996.

Пану Зиславу, моему соседу
Наш сосед

В годину Аушвица, Яра,
Когда катился смерти вал,
Герой-поляк Владислав Сквара
Еврея-друга укрывал.

Его жена, сынишка Зислав
С ним вместе были ночь и день -
И над героями нависла
Грозящей смертной казни тень.

Не дни, не месяцы, а годы
Сердца тревожились в груди.
И вот - желанная свобода.
И вот - полвека позади ...

Есть в нашем хостеле квартира.
Для нас - особая она:
Живут в ней праведники мира
Пан Зислав Сквара и жена.

18 апреля 2001 года.

ИЗ ЦИКЛА «ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ»

С о н

На исходе утра
Видел сон я вчера -
Удивительный, добрый, пригожий:
На коленях стоял
И взывал, умолял ...
Умолял я простить ... Но кого же?
И сиял предо мной
Света столб голубой
В бесконечном пространстве Вселенной.
Я у Б-га просил
(В этом свете Он был)
За кого-то в мольбе дерзновенной.
Да, просил я в слезах,
В сладкой боли в глазах,
Чтоб кого-то простил бы Вс-вышний.
Но проснулся я вдруг ...
Никого нет вокруг,
Кроме слез, что из глаз моих вышли.
Я раввина спросил:
Что за сон это был?
Что он значит, на что намекает?
И ответил раввин:
- То, что ты - не один,
Что душа твоя братства алкает.
И еще он сказал:
- Ты впервые воззвал
О прощенье других. Для начала
Поясню: осознал,
Что евреем ты стал,
Хоть во сне. Это тоже немало.
Сделай шаг и второй!
Смело душу открой
Наяву Бесконечному Б-гу.
И кипу, и талит,
И тфилин, что забыт,
Приготовь - и иди в Синагогу.
Там, среди братьев твоих,
Ты в молитвах святых
Приобщишься душою к народу.
Станет ясен тебе
Путь твой в общей борьбе
За Единство, за Мир и Свободу. 7 04 2002.

Сон чудесный

Под мерзким знаменем наветов
Нас били, резали и жгли.
Как долго мы сносили это
От древней родины вдали!

Измену предкам отменяя,
Еврей в галуте жил века:
Далекая Земля Святая
Была душе всегда близка.

Я внук зарубленного рава,
Я сын безбожника-врача.
Меня не звали роскошь, слава,
Я ошибался сгоряча.

Но сон увидел я чудесный:
Насквозь Вселенную пронзил
Свет, голубой и бестелесный;
Простить кого-то я просил -

И плакал перед Тем, Кто свыше
Внимал средь дивной тишины.
Поверил: голос мой услышан -
Евреи будут спасены.

И силу я в душе усталой
Нашел, чтоб явь Святой Земли
Мне чудом будней поздних стала
От дней былых моих вдали.

Я на земле обетованной
Влюбился в дивный свой народ:
Он умный, смелый - и гуманный.
Единства лишь не достает ...

Молю Того, Кто в сне чудесном
Как дивный свет явился мне,
Кому вся глубь души известна:
- Единство дай моей стране.

Приснись политикам и равам,
Скажи им вещие слова -
Пусть левый примирится с правым
И слышит душу голова.

13 02 2003

Люблю ее

Люблю я свою синагогу,
Люблю ее добрый кагал,
Молитвы, простертые к Б-гу,
Которого долго не знал.

Здесь, мелкую цель отмечая,
Стремится из душ в вышину
Единым порывом святая
Молитва за нашу страну.

И пусть я не все понимаю,
И пусть я колеблюсь порой,
Здесь я до Небес поднимаю
Духовного взора настрой.

Август 2005 года.

Маленькая солдатка

Это было на автовокзале.
Поравнялась девушка со мной -
Тоненькая, с детскими глазами,
И рюкзак огромный за спиной.

Я упал пред нею на колени.
Я кричал: - Израиля цветок!
Тысяча моих благословений
Той, чей жребий славен, но жесток.

Но солдатке до меня нет дела.
Двинув бровью, обошла меня.
Автомат поправила, успела
В свой автобус на начале дня.

Встав с колен, я понял виновато:
Знаки поклоненья не нужны
Гордой, смелой девушке-солдату,
Счастьем нашей маленькой страны.

13 июля 2009 года.

На пути к синагоге

В синагогу с трудом я иду:
Плохо служат венозные ноги.
Подо мной - тротуар на виду,
Целый мир на пути к синагоге.

Одинокий спешит муравей
К неизведанной заданной цели.
Принесет ли общине своей
Он сигнал о еде в самом деле?

На бетонном заборе сидит,
Философствуя, черная кошка:
Из вороньего клюва летит
Вниз орех - он надтреснет немножко?

Вот окурки. Нешуточный спор,
между кем ты огнем разгорался?
Помирились ли люди с тех пор?
Иль врагом из них каждый остался?

Вот бутылка с отломленным дном.
Это - драки смертельной остаток?
Иль простого паденья излом?
Или качественный недостаток?

Здесь гуляли, довольны собой,
Со своими собаками люди.
Опасайся, прохожий любой -
Или обувь отмечена будет!

Боль в ногах заставляет меня
На минуточку остановиться
И под солнцем растущего дня
Небесам русской речью молиться.

Снова - в путь. Обгоняя, бежит
Вверх по улице милая Юля.
Для нее я - усталый пиит,
Для нее я - знакомый дедуля.

Я пришел к синагоге своей,
К ашкеназской моей синагоге,
И войду в нее - старый еврей,
Атеист, возмечтавший о Б-ге.

8 12 2009.

Памяти Шуламит Моэнблат заль

Шуламит

Так нежданно она вдруг ушла!
Но заботливо память хранит
И улыбку ее, и дела,
Что вершила для нас Шуламит!

Над страной вечерней скользя,
Грустный ветер листвою шумит.
Слов найти в этом шуме нельзя ...
Лишь одно услышал: Шуламит ...

20 ноября 2002 года.

Авокадо

Было в школьные дни
(Как далеко они!):
Слаще звонких гроздей винограда
Приласкало мой слух
И запомнилось вдруг
Слово дальних земель - "Авокадо".

Этим словом пленен,
До каких-то времен
Я шептал его, как заклинанье -
И надежда жила,
Чуда встречи ждала
В озабоченных буднях сознания.

Но тускнела мечта,
С пьедестала снята,
И оплакал померкшую цель я.
Грызла душу тоска,
Угнетала - горька,
Словно праздника злое похмелье.

И однажды решил:
Я к тебе поспешил!
Я познал тебя, о Авокадо!
Вкусом истинным ты
Пусть далек от мечты -
Не беда: мне другого не надо! 1992-1999.

Рамат-хашарон

Есть маленький город Рамат-хашарон,
Красою негромкой завлек меня он,
Ульпаном завлек при матнасе Леви,
И стих мой - признание в особой любви.

Знакомы огни Беэр-Шевы ночной,
И грозной пустыни полуденный зной,
И бурная жизнь Тель-Авива большого,
И тихая прелесть Зихрон-Якова,

И город, что свято людьми почитаем -
Великий, таинственный Йерушалаим,
Свидетель свершений, хранитель имен,
Истории дальних и новых времен.

Прекрасною Хайфой любуясь с площадки,
Я строки стихов набросал в беспорядке,
И в полдень, в Кинерете ноги омыв,
На фоне Хермона попал в объектив ...

Из всех путешествий, упрямы и строги,
В Рамат-хашарон устремлялись дороги -
К сердцам, голосам и улыбкам друзей,
К матнасу, к ульпану, к надежде моей.

1993.

Примечания:

Ульпан – студия, кружок по изучению чего-либо

Матнас – нечто вроде дома культуры

Кинерет – Тивериадское озеро

Хермон – гора на севере Израиля

Утро в Рамат-хашароне

Тихий задумчивый запах цветов.
Раннего солнца улыбка.
Город проснулся и снова готов
К радости, шаткой и зыбкой.

В зелени тонет Рамат-хашарон,
Всюду пичужки щебечут,
Даже истошные вопли ворон
Жизни не противоречат.

Вот уж и автомобиль зарычал,
Взвыл мотоцикл разъяренный ...
Город судьбы, мой последний причал,
Начал свой день оживленный.

1997.

Святая Земля

Ты просто должен понимать:
Земля твоя – всем землям мать.
Ее ты должен принимать
Во всех ее противоречьях,
Во многих языках, наречьях,
Во всей красе – и всех увечьях.

И пусть грехов ее не счесть,
Прими ее, какая есть.
Служить ей – это долг и честь.
Земля твоя – земля святая!
Народ твой жил, о ней мечтая,
Измену предкам отменяя.

Нас били, резали и жгли
От древней родины вдали,
Но сквозь века мы пронесли
Стремленье душ сюда вернуться,
Чтоб словно ото сна очнуться,
Нам невозможно обмануться.

Примером мы должны служить:
По совести под небом жить,
С друзьями искренно дружить,
За родину отважно биться,
Коль прав, то не взирать на лица,
И, словно муравей, трудиться.

2013.

Мой путь к синагоге

Не иудей, не христианин,
Не мусульманин, не буддист,
По жизни брел в дурном тумане
Я - атеист и коммунист.

Увы! Стараньем коммунистов
Я с детства верил лишь в вождей.
Как атеист, я был неистов,
Тем самым - просто был злодей.

Но сон чудесный вдруг приснился:
Увидел я Нездешний Свет.
И в дальний путь я снарядился,
Взяв груз своих грехов и лет.

Два года ждал в оцепененье -
И друг меня в мой храм привел.
В святой молитве, в песнопенье
Я будто сам себя нашел.

Я уважаю все народы,
Шагающие по Земле.
Любуюсь Статуей свободы
и башней Спасскою в Кремле.

Мне светлый зов пророков ясен.
Моисей, Христос и Магомет -
Любой по-своему прекрасен.
Хоть их сдружить дороги нет...

Я мудрым Буддой очарован,
Бахаи тоже мне милы.
Но я с младенчества прикован
К заветной тайне брит-милы.

И пусть я слышу голос Б-га
В любом из храмов вер земных,
Мой храм - святая синагога,
Дом веры праотцев моих.

2014.

Чета с коляской

Глаза черны, глаза бездонны,
Нежны уста и гибок стан.
В бровях израильской мадонны
Застыл эмоций ураган.

Супруг-атлет ведет коляску,
Улыбкой счастья озарен.
Он сбережет до ночи ласку
И страсть, в плену которой он.

В коляске – первенец той пары,
Дитя любви. Дитя страны.
Победы, радости, удары
Ему в дороге суждены.

И он пройдет свою дорогу
Сквозь мирный труд и сквозь войну -
И будет он молиться Б-гу,
И будет защищать страну.

Ведь рядом злоба затаилась,
Чтоб зверский совершить прыжок.
Ей не знакомы свет и милость,
И злость ее не Б-г зажег.

Пока же спит младенец сладко,
Любовью старших защищен.
И солнце-жар по-над коляской
Свой совершает марафон.

Сентябрь 2011.

ИЗ ЦИКЛА «ВОСХИЩЕНИЕ»

Ветеранам Второй мировой войны
Благодарный бокал

Миллионы людей унесла та война.
Покалечила судьбы людские она.
Небывалой ценою победа далась,
Небывалою радостью отозвалась.

В этот день мы вина благодарный бокал
Поднимаем за тех, кто на подвиг вставал,
Не жалея ни сил и ни жизни своей,
Чтобы мир отстоять и свободу людей.

Поднимаем бокал за солдата войны,
За героя труда и за верность жены –
И за тех, кто сегодня на страже стоит,
Кто, спасая других, сам себя не щадит.

Поднимаем бокал, чтобы жить и любить,
Чтоб уроков былого вовек не забыть,
Чтобы вовремя злобы пожар унимать,
Чтоб войне мировой на Земле не бывать.

9 мая 2010 года

Простые лица
Написано и напечатано в день полета

Из ящика газету вынув,
Раскрыл - и Родины сынов
Узнал: Шаталов и Волинов,
Вот Елисеев и Хрунов.

И каждое лицо знакомо,
И будто знаешь их давно:
Встречал на пленумах обкома,
В цехах, на улице, в кино.

И пусть обычны эти лица -
Прекрасен подвиг четырех.
Страна героями гордится,
Красою звездной их дорог.

1969.

Марсельеза

(баллада о том, кто пел под пытками)
По Луи Арагону

" Из множества путей
Я выбрал этот путь.
И если б вновь начать,
Я выбрал бы его:
Неведом страх тому,
Кто верит в цель свою.
Грядущих дней призыв -
Вот непреклонных цель ".

Пронесся слух, что он
Был ночью не один,
Что в камере его
Второй был человек.
Внушал он: - Ты устал,
Измучен ты и слаб,
Но слово лишь скажи -
И будет легкой жизнь.

" Из множества путей
Я выбрал этот путь -
И нет других путей
Для сердца моего.
И если бы сто раз
Пришлось мне начинать,
То я бы сотню раз
Свой выбор повторил!
О Франция моя!
Тебе лишь внемлет ум!
Тебе - и воли сталь,
И весь огонь любви,
И верность до конца.
Могло ль иначе быть?
Грядущих дней весна -
Бессмертие мое! "

И вновь к нему вошли ...
И вот в последний раз
Ему перевели
Вопрос: - Ты хочешь жить?
Иль, может быть, тебе
Милее боль и смерть?

" Я не король Анри,
Что веру променял
На мрачный свой престол.
Обедня и Париж ...

Ни пытки палача,
Ни вкрадчивая речь
Во мне не заглушат
Грядущих дней призыв! "

Рванулся шквал огня.
Но он был жив еще:
Он " Марсельезу " пел!

Стоял он - весь в крови ...

Лишь новый залп прервал
Ту песнь, что посылал
Грядущим дням герой:

Он " Марсельезу " пел!

1974.

Память

Понять не могу, за какую заслугу
Была мне в награду ниспослана ты -
Как ясное солнце, прогнавшее вьюгу,
Как гимн возрожденья угасшей мечты.

И так же нежданно, за громкой судьбою
Ушла: удержать все равно бы не смог.
И счастье недолгое вместе с тобою
Ушло с перекрестка несхожих дорог.

Лишь в памяти - миг, что навеки подарен:
Та страстная нежность, та нежная страсть.
Пусть был только миг - за него благодарен
Сумевший у Счастья мгновенье украсть.

Я славлю мать!

Я много раз восьмого марта
Всех женщин мира прославлял,
Восторженно и виновато
С великим днем их поздравлял.

Подруг я наших верных славил,
Любимых жен и матерей.
Но выше неба в мыслях ставил
Лишь образ матери своей.

Ах, мама, мама, ближе нету,
Коль рядом ты и коль вдали.
Хоть обойди ты все планету,
Все страны матушки Земли.

Не только в день международный,
В любой из многих-многих дней
Склонимся перед благородной
Любовью матери своей.

Мужчин я не хочу обидеть,
Когда прошу я всех признать,
Что в каждой женщине мы видеть
Должны на первом месте мать.

8 марта 2012 года

Сеанс связи

Вошел телесигнал - и вот веселость
Геройских ваших лиц нам всем видна,
И плавает в экране невесомость,
И шутка слышится, еще одна.

Привет вам, космонавты на экране!
Для подвига вы были созданы -
Веселые и смелые земляне,
Планеты нашей дружные сыны.

Вы, мчась по околоземной орбите,
В обманчивой и грозной пустоте,
На Землю по-особому глядите,
Дивясь нам недоступной красоте.

Но страх за вас, покой на миг нарушив,
Напомнил: за стеною корабля -
Смертельная опасность безвоздушья,
Почти что абсолютного нуля.

И завистью влюбленной преисполнясь,
Сердца людей побед желают вам.
Сеанс окончен. В черном небе - полночь.
Вы снова приступаете к делам.

1981.

Рука

Приголубила старуху:
Так слаба, больна, стара!
И целует бабка руку ...
Зря краснеешь, медсестра:

Ласка в той руке - и сила,
Заколдованно легка,
По-особому красива
Для людей твоя рука.

1978.

Сестрица

- Сестра! Сестра! Утешь, родная!
- Сестра, сестричка, помоги!
В ушах, как музыка живая,
Твои спешащие шаги.

Сквозь боль и страх больничной муки,
Когда тревогу сердце бьет,
Твои таинственные руки -
Надежда тех, кто, веря, ждет.

Твоя улыбка, голос милый
И шутка (острая порой) -
Больного одаряют силой,
Зовут вернуться в общий строй.

Не знаю, где берешь терпенье
И есть ли у него предел ...
Прими ж мое благословенье -
Тот стих, что я сложить сумел.

1997.

Зависть (Герои)

Я не завидую богатым:
Всегда их совесть не чиста,
Хотя дворцы принадлежат им
И в плен сдается красота.

Я не завидую красавцам:
В той красоте заслуги нет,
И с нею так легко расстаться
В тисках беды, в потоке лет.

Уму завидовал когда-то.
Теперь жалею умных сам:
За ум средь глупых виноваты
И служат глупым подлецам.

К таланту зависти не знаю:
За самый исступленный труд
Бездарностей интрига злая
И сплетен грязь его гнетут.

Вождам завидую народным,
Кто за людей на подвиг шел.
Кто был и в кандалах свободным,
Кто рабству плаху предпочел.

1978.

Дон-Кихоты

Когда над чужой бедою
Смеялись скоты до рвоты,
На выручку шли чредою
Печальные Дон-Кихоты.

За это иль нет, но часто,
Забыв о своих заботах,
Бросало дерьмо мещанство
В закованных Дон-Кихотов.

Злым страхом давясь, тираны
Их гнали на эшафоты,
Горели в кострах романы,
Где славились Дон-Кихоты.

Единственную любовью
Любили они кого-то,
Но мир переполнен болью
Обманутых Дон-Кихотов.

И все же пора настала
Непрошенной, поздней льготы:
На каменных пьедесталах -
Застывшие Дон-Кихоты.

1977.

Математичка

Опять сидела поздней ночью:
Опять готовилась к урокам.
И путь нашла - верней, короче, -
Во сне, тревожно неглубоком.

А утром шагом шла тяжелым,
Размяться на ходу старалась.
Но только в двух шагах от школы
С трудом осилила усталость.

И в класс вошла привычно строго,
Стыдливо доброту скрывая.
На миг застыла у порога -
Сухая, зоркая, прямая...

Домой шагала снова поздно,
Мечтам отдавшись по привычке -
И взор сиял у той серьезной,
Сухой, прямой математички:

Ведь дома письма ожидали
С признаньями людей далеких -
Тех, что в делах своих узнали
Плоды трудов ее нелегких.

1984-1991.

Водитель

Час пик. В автобус мы проникли.
о как пробить талон-билет?
Сдавили! Тут попробуй крикни:
Не вымолвить ни " да ", ни " нет " .

А из динамика - острота.
За нею - прибаутка вслед.
И вот уже смеется кто-то.
Смягчился взором мой сосед.

Так вел автобус многолюдный
Веселый, добрый человек
Через стремительно-занудный
Урбанизированный век.

И вскоре каждый улыбался,
В соседе брата ощутив.
И из хаоса зарождался -
Пусть ненадолго - коллектив.

1981.

Мой отец

Ты должен был бы стать раввином,
Но ты восстал, ты предпочел
Служенье делу медицины
И трудный путь врача прошел.
Ты физик был и математик,
Искусствовед и полиглот.
Вожди? Ты мог лишь презирать их.
Любил же ты простой народ.

Был в детстве слишком глуп и мал я,
Не мог твой ум я оценить,
Твоей души не понимал я.
Мог просто как отца любить.
Но годы шли, ты раскрывался,
Как тайный клад, передо мной.
Я, удивляясь, восхищался
Твоей духовной глубиной.

Таких, как ты, врачей немного
Я знал на жизненном пути:
Ты был, отец, врачом от Б-га,
Ты знал, умел и мог найти.
Немногословен, строг, едва ли
Бывал понятен сразу ты.
Не сразу цену узнавали
Твоей правдивой доброты.

Я это знал: ведь слышал много
Благословений и похвал
Тебе от тех, кто верил в Б-га
И кто Его не признавал ...
Потом - война, болезни, старость
И враг бездушный-слепота.
Здоровой, прежнею осталась
Одна лишь совесть, что чиста.

Твой ум по-прежнему был ясен
И убеждения крепки.
Изнеможенный, был прекрасен,
Как все святые старики ...
Ты умер просто и сурово,
Как жил, без жалоб и нытья.
Ты светел был - и лишь такого
С любовью буду помнить я.

1971.

Он, депутат бессменный горсовета,
Немало делал - мало говорил.
Он щедро, будто есть в запасе где-то,
Нам время невозвратное дарил.

Но ждал беду, страшной и простою,
Нелепый случай на его пути:
С тугих тросов сорвавшейся плитою
Ударил - ничем уж не спасти ...

Кто виноват, комиссия решает
(Возможно, что и сам Герой труда ...),
А мне слеза на мир смотреть мешает:
Потери не восполнить никогда!

И, горестным прозрением объятый,
Я понимаю, кем был бригадир:
Он жил и пал, как тот, за кем - солдаты,
Возглавивший атаку командир.

1981.

Памяти Булата Окуджавы
Славный бард

Тем, кто слышать умел, повезло:
Пел в России Булат Окуджава!
В ней по-прежнему правило Зло,
Но певца не сгубила держава.

Потому ль, что умен был и смел,
Что улыбкою слез не скрывая,
Он светиться во мраке умел,
Путь к Любви и Добру открывая?

Ах, как он нас, любя, понимал!
Ах, как все мы его понимали!
Он над буднями нас поднимал,
Мы же его над собой поднимали.

Он был наш, славный бард, он был свой.
Наше лучшее нам показал он.
Он негромкостью песни любой
Нас будил, будто огненным залпом.

День настал, в мир иной он ушел.
Горевали мы, будто родные.
Но остались (никто их не счел)
Чудо-песни, слегка озорные.

Нас сегодня, как прежде, зовут
Эти песни бессмертного барда,
Потому что в них дружно живут
Красота и Добро – и Правда.

Май 2007 года.

Мотоциклисты

Едут по улицам мотоциклисты.
Едут стремглав, подрезая углы.
Их траектории шумны, змеисты.
Их повороты точны и смелы.

На мотоцикле гонял я когда-то,
Падал три раза - костей не сломал.
Старенький Ка мой сто двадцать пятый
Больше, чем ездил, в ремонте стоял.

Мне ль не завидовать скорости смелой,
Шлему защитному (я не имел),
Ловких маневров науке умелой,
Силе моторов и едущих тел?!

Юноши, девушки, старцы седые
Мчатся с потоками автомашин.
Не на асфальте застынут следы их –
В кодах рисунка суровых морщин.

23 сентября 2011 года.

Одинокий муравей

Поисковой дорогой своей
Одинокий спешит муравей –
Он спешит через весь тротуар
Не на свадьбу и не на пожар.

Он посланец народа всего,
Цель великая есть у него:
Разыскать и засечь те пути,
Что смогли бы к еде привести.

И спешит неумный герой,
Хоть грозит ему гибель порой
От подошвы и от каблука -
Мал Герой, хоть и цель велика.

3 августа 2013 года

Чтица-фея

Гроза с бомбежкой совпала,
Мы ж, дети, слушали, тихи:
В глуби бетонного подвала
Читала девушка стихи.

Стихи поэтов, не известных
Советской серой детворе,
Не знавшей слов и строк прелестных
Ни в школе и ни во дворе.

И чтица та была прекрасна
Лицом, и статью, и душой -
Тем голосом, то звавшим страстно,
То полным нежностью большой.

Забыли дети, сладко млея,
И о грозе, и о войне ...
Кто ж ты была, та чтица-фея?
Кого явила память мне?

Я шел дорогою своею
Сквозь жизненную суету,
Туманно помня чтицу-фею
И ярко – духа красоту.

Тебе, пожалуй, девяносто,
Коль ты, мне верится, жива.
Как в нашей жизни все не просто!
И как сильны души слова!

Всегда ты молода, красива:
Твой образ заново творю -
И благодарное спасибо
Сегодня снова повторю.

21 сентября 2013 года

Климентию Югаю

Стихи твои до боли мне знакомы
(Я будто их во сне своем читал)
И циклы (имена не вдруг берем мы,
Будь " Лето " ли, "Четвертый ли квартал").

Случайно иль по В-сшему веленью
Читаю исповедное меж строк,
Души ловлю дыханье и волненье,
И даже боль, не дан которой срок.

2005.

Мужчинам - 8 марта

Мужчинам всем напомниманье:
Долой раздумья, сборы, лень!
Подарим женщинам вниманье
В международный женский день!

Букет цветов, духи, колечко!
Подарим что-нибудь еще!
Прекрасно и ответно нечто,
Коль сердце бьется горячо!

2003.

Восхищение

Я вами, Ада, приглашен
На день семидесятилетия.
И вот, как видите, пришел
В застолье дружном посидеть я.

Не много знаю я о вас.
Но так ли важно знание это,
Коль в свете умных, добрых глаз
Душа видна душе поэта?!

Еще способны вы краснеть.
Вы с другом жизни, как и прежде,
Любовь храните, чтоб и впредь
Быть рядом вере и надежде.

И потому, на краткий миг
Прервав застолье юбилея,
Дарю вам восхищенный стих
Рукою дрогнувшей своею.

1993.

ИЗ ЦИКЛА «ПЕСНЬ О РОССИИ»

Встреча с молодостью

Сединой виски белеют,
Лоб морщины бороздят.
Отчего же вдруг теплеет
Инженера строгий взгляд?

Паренек обыкновенный
Повстречался, как вчера.
Крановщик. Спешит со смены:
В институт ему пора.

Рядом - шустрая девчонка,
Блещет золотом коса.
Раздаются ладно, звонко
Молодые голоса.

И как будто сам моложе
Инженер при встрече стал,
Вспомнив, как, на них похожий,
Трудный путь свой начинал.

1959.

Туман

Густели сумерки, и снег
С дождем кощунственно смешался.
Туман висел - на всем, на всех.
И серым белый свет казался.

На перекрестке трех дорог,
У монастырских стен священных,
Столкнул нас непонятный Рок,
Гуляющий среди Вселенных ...

Сегодня солнце в вышине.
А память позвала к туману,
Явила смутный образ мне -
И стерла вновь его нежданно.

1990.

Старик

Есть в Омске братская могила,
Войны гражданской горький след.
С ней рядом в зимний день унылый
Стоял старик преклонных лет.

С какой неведомою думой,
Седую голову клоня,
Глядел он, строгий и угрюмый,
На пламя вечного огня?

Оно тревожно трепетало,
Щадя нездешние цветы.
И тени гладили устало
Лица застывшие черты.

В руке - ушанка меховая.
Зачем он снял ее в мороз?
Погибших чтя? Иль задавая
Ровесникам немой вопрос?

Спросить бы мне, какое дело
Ему до тех, кто пал в борьбе!
И - с кем рубился, зло и смело.
И - одолел ли зло в себе.

Обнять бы мне его за плечи,
В глаза суровые взглянуть!
Сказать: - Послушай, человече!
Нам не понять наш сложный путь!

Ему хотел я крикнуть громко:
- Не станет стран! Не будет рас!
Сознание мудрого потомка
С трудом осилит слово " класс ".

Но я смолчал, прервать не смея
Его молчанья тайный ход.
Тех слов, что произнес в уме я,
Ему неведом хоровод.

1975.

В лесу подмосковном

В лесу подмосковном сухо.
В нагиб, будто что-то вызнала,
Бродила с клюкой старуха,
Бумажки на гвоздь нанизывала.

Кричала старуха другая:
- Какой тебе прок?! Маята!
- Земле дышать помогаю, -
Сурово ответила та.

1990.

*Памяти творчества
омского художника
Николая Брюханова*

Ветеран

Он присел, отдышался чуток
На поджаренной солнцем завалинке.
Бойкий внук, оседлавший пруток,
Поспешил к нему, светлый и маленький.

За звезду ухватился скорей:
Золотисто блестела наградная.
Что же сдвинулись крылья бровей?
Разве внук - не утеха отрадная?

Вспомнил подвиг старик-ветеран,
Будто снова под пулями падая
И сознание теряя от ран ...

***

А малыш
забавлялся
наградой.

1991.

Каток

Тяжелый, огромный, гремящий,
Каток мостовую давил.
Силач, за штурвалом сидящий,
Исполнен величия был.

Былинкою слабою рядом
Стоял первоклассник-сынок.
Отца он упрашивал взглядом:
Он верил, что тоже бы смог.

И вдруг, нарушая законы,
Водитель ему передал,
Как предки былые икону,
Могучей машины штурвал.

Но место свое не покинул.
Так, дружно штурвал шевеля,
Вели они двое махину -
И гулко дрожала земля.

И дума отца волновала,
Что станет ручонка сильна,
Что, может быть, пост у штурвала
Вручит ей родная страна.

И с силой ему пожелалось,
Сгоняя привычный покой,
Чтоб эта рука направлялась
Народа не лгущей рукой.

1976.

Жи́домахия

Гремели над страной салюты,
Победу славилa страна,
Но, не теряя ни минуты,
Горела новая война.

Война была с «космополитом,
Готовым родину продать».
Актер он, врач иль композитор,
Иль генерал – ей наплевать!

Генералиссимус всевластный
Войну затеял. Мыслил он:
Еврей-смутьян куда опасней,
Чем в Кремль пробравшийся шпион.

Усач доил еврейский разум
Почти что тридцать полных лет.
А тут решил евреев разом
Сгноить: нужды в них, мол, уж нет.

Та жи́домахия в газетах
И в радио до звезд взвилась.
И клевета срамная эта
Евреев втоптывала в грязь.

А люди верили газетным
И устным мерзостным речам.
Еврей стал жалким, безответным,
И казнь готовилась врачам.

Но Рок вмешался в это дело:
Вождь умер. Или был убит.
Война с жидами присмирела -
И снова стал евреем жид.

На этом можно было б кончить
Фрагмент истории страны,
Когда б все мерзостней и громче
Не выл последыш той войны.

Неужто в двадцать первом веке
Быть жи́домахии опять?
Неужто зверя в человеке
Так просто ложью воспитать?

15 12 2013.

ИЗ ЦИКЛА «МУЗЫ»

Чарли

Маленький человечек на киноэкране
все спешит, попадая впросак.
Смешной он очень.
Во всем – смешной он.
Смешон в лице, удивленно-добром,
Наивном,
Тихом,
С жалкими усиками и бровями,
В походке смешон семенящей,
Такой поспешающей ...
Смешон котелок его,
приподнимаемый то и дело ...
Но больше всего смешон этот Чарли,
конечно, в поступках, итоги которых –
обратны и целям его, и желаньям.
Смешон в отработанных трюках,
Порою весьма опасных ...
Мастер кино и смеха –
Чарльз Спенсер Чаплин.
Да, неудачник Чарли
понятен и близок нам всем:
он свой, он из гущи нашей,
он наш – этот маленький, жалкий.
С мечтами, с поступками - весь!

Потому-то над бурей смеха,
над сползающими со стульев,
над задыхающимися -
взмывает вдруг вдохновенно
в момент,
предназначенный гением боли,
Людского Сочувствия птица!
Она простирает добрые крылья
над нами,
слезу утирающими
украдкой -
Прекрасная Птица Открытья
в маленьком человечке -
Великой Души!
Боли ее - за всех нас,
жалеющих – нет, не себя, а его!
Его, неудачника славного.
И шепчем мы еле слышно:
- Бедняга Чарли!
И мы, потрясенные и благодарные,
вдруг
становимся лучше!
Хотя, возможно,
не так уж надолго.

17 июля 2003 года

Графоман или поэт?

О этот чистый лист бумаги!
Меня он с детских дней смущал.
Поддавшись зову и отваге,
На нем я что-нибудь черкал.
С тех пор тетрадок я немало,
Листов, блок-нотов исписал.
Печатали меня, бывало,
И я от радости плясал.

Мне не нужна большая слава.
Большая мне - не по плечу.
Мне нужно ... Сам не знаю, право,
Чего я, графоман, хочу.
Боюсь назвать себя поэтом,
Хоть рано начал рифмовать -
И все пишу, и в деле этом
Умею радость я познать ...

Когда ж я Мастера читаю,
Душой в блаженство погружен,
И в бездну Космоса взлетаю,
К Великой Тайне приобщен,
Я благодарно принимаю
То, что не смог бы сам создать,
Что заставляет, дух вздымая,
И улыбаться, и рыдать.

Чужою болью я болею,
Готов весь мир жалеть, любить -
Ах, если б лирою моею
Мог радость, мир и свет дарить!
Хоть вижу сам несовершенство
Стихов израненных моих,
Хоть скрыта мука, но блаженство
Лежит в самом создании их.

Порой меж тех стихотворений
Вдруг идеал блеснет строкой:
Ее создал незримый гений
Моей покорною рукой -
И вновь исчез, строку оставив.
Ушел к другим - и следа нет.
Вновь рифмы серенькими стали.
Я графоман или поэт?

14 02 2003.

Слушая Вертинского

Среди всех моих воспоминаний
Есть одно, где я слез не сдержал
Несмотря на тревогу стараний ...
Помню тот переполненный зал...

Пел Вертинский в ликующем зале,
Возвышая людей полукруг.
И о том, что слова не сказали,
Говорила симфония рук.

Пел он так, что души моей струны
Отзывались, космично звеня:
Пели звезды, планеты и луны,
Пела совесть, тревожа меня.

Я стоял в переполненной ложе.
Рядом Вацлав Дворжецкий стоял.
- Он до слез мою душу тревожит, -
Я смущенно актеру сказал. -

Не сдержать их, дошел до черты я.
Прятать слезы свои я устал!
- Не стыдись, эти слезы – святые, -
Мне чуть слышно сосед прошептал.

23 сентября 2005 года.

Самовыражение

Искал я самовыражение,
Стихи слагая по науке,
Но изменяло мне терпенье -
И опускались горько руки.

Любовь улыбкою прекрасной
Пришла - и тихо попросила,
Чтоб были ей одной подвластны
Души порыв и мыслей сила.

Я сдался: новыми путями
Пошел, любви отдав свободу,
И пил голодными горстями
Любовных мук живую воду.

Тогда любовь свершила чудо:
Дала мне светлое терпенье -
И в стих, как будто ниоткуда,
Прорвалось самовыражение.

1975?

Образ

Признаемся сразу друг другу - и всем:
Писать по заказу нетрудно совсем.
Даны тебе тема, идея - и срок,
Известна система рифмованных строк.

Нехитрое дело - строку рифмовать,
Коль взяты умело и не унывать.
Но образ желанный возможно найти
Лишь мукой нежданной на взлетном пути.

1993.

Актриса

Она была худа и некрасива.
Сутулилась неловкою спиной.
А он - любил. И нам любви той сила
Казалась непонятной и больной.

Но вот однажды на киноэкране
Увидели мы женские глаза.
Ее глаза. В безумно крупном плане.
Была в них мука, нега и гроза.

Исчезла вдруг худая некрасивость:
Талант являл свою красу и власть.
И жажда счастья в души запросилась -
И музыкою в них отозвалась.

На свадьбе мы завидовали другу.
Умолк красноречивый тамада.
Но эстафетой вдруг послал по кругу
Из уст в уста одно лишь слово:
- Да-а-а ...

1982.

Джоконда

Давным-давно жила ты, мона Лиза,
Но унесла бессмертие в века
На полотне великого да Винчи.
Лицо твое пугает и манит:

Печаль сочувствия – и торжество прощенья,
Злорадство тайное - и горькая усмешка,
Святыня верности – и холодность расчета ...
Все это есть ... Но этого же - нет!!!

По-прежнему загадкой остаешься
Для нас, на Космос посягнувших дерзко
И в тайны атома ужасные проникших.
О дивное творенье Леонардо!

1955.

Бетховен

Он вдруг возник - и ласковый, и нежный.
Душе сиротской - милый и родной.
Наивная! С улыбкой безмятежной
Звала себя любимую женой.

Уехал ... Не поверила: как можно?!
Потом - застыла. Ни слезы из глаз.
В тот миг под сердцем, замершим тревожно,
Ребенок шевельнулся в первый раз.

Застывшая, по улицам ходила:
Прощалась молча. К цели шла своей:
Туда, где дом бригада возводила.
Чтоб камнем пасть с бетонных этажей.

Остановил дворец искусства новый:
Там музыка могучая звала,
Был зов неотразим. То был Бетховен.
То увертюра к "Эгмонту" была.

Вошла. И слушала. В огромном зале
Той музыкою Жизнь вzywала к ней.
Волшебной силой звуки обнажали
Созвездия грядущих ясных дней.

Вернулись к ней спасительные слезы.
Плыла душа над суетой Земли.
Сияли радуги. Гремели грозы.
И звуки в Жизнь несли ее. Несли ...

1981.

Талант

Талант - это сила взлета
И каторжная работа.
Талант - это боль прозренья
И счастье преодоленья.

Талант - это ум и руки,
И плод многих лет науки.
И - горестные страданья
От злого непониманья.

1998.

Искусство

Волшебной силою искусства
Рождаются и гаснут чувства,
Приоткрывая мира вечность,
Трагизм его и бесконечность.

Строкой Уильяма Шекспира
Меня давила тяжесть мира,
Хлестала душу мне тревога
Кричащей линией Ван-Гога.

Я слушал обнаженным нервом
Высоцкого и Анну Герман -
И вновь душе успокоенье
Дарили Моцарта творенья.

1993.

Начала

В душе поэта - два начала.
Одно - привычный человек,
За кем больших грехов немало,
В чьих мыслях - то, что и у всех.

Второе - вдруг приходит свыше,
Найдя в душе его приют -
И вдохновенный стих он пишет,
И строки те к Добру зовут.

1993.

Поэзия

Пишут холодно - и взволнованно.
Пишут ясно - и зашифрованно.
Пишут чуткие - и бесстрастные.
И - счастливые, и - несчастные.

Пишут пахари. Пишут воины.
Потому что так уж устроены.
Пишут девочки. Пишут мальчики.
Прячут в ларчики. Шлют в журналчики.

Пишут бездари. Пишут гении.
О бессмертие мук творения!
Но поэта путь - бритвы лезвие.
И жесток тот суд - суд Поэзии ...

1979.

Мой стих

Как мало сделал я дел полезных!
Как долго шел я не тем путем ...
И след цензуры - клещей железных -
Застыл коряво в стихе моем.

Я погружаюсь в глубины ада,
Подавлен грузом былой вины.
Слова и рифмы искать не надо:
Они мне мукой моей даны.

Когда ночами я в небе звездном
Вопросам вечным ответ ищу,
Призыв я слышу
    (быть может, поздно ...) -
И о великом сказать хочу.

Любовью к людям я в небо поднят -
И стих мой льется, как песня звезд.
Он честно молод, мой стих сегодня,
Задорно грустен, печально прост ...

Хоть он народы поднять не может
К любви и дружбе, как я мечтал,
Пусть хоть немного сердца встревожит
Призывом робким к заре начал.

О если б мог я найти то слово,
Что вмиг сожгло бы все зло в сердцах!
Чтоб каждый понял легко другого!
И чтобы каждый отозвался ...

Но горько принял я меру в жизни:
Мне этот подвиг – не по плечу.
Мечтал когда-то о коммунизме,
Теперь – лишь правду понять хочу.

Понять, чтоб людям ее поведать,
Тем долг поэта исполнить свой:
Нужна нам только одна победа,
Победа света в душе любой.

1993.

Мадонна

Я вдруг застыл ошеломленно
И отойти не мог никак:
Передо мной была мадонна
С младенцем на святых руках.

Смутила двойственность картины,
Рождая рой неясных дум:
Порочность лика Форнарины
Вела в тупик незрелый ум.

Скажи - тогда бы растерзали ...
Прошли немалые года,
И книги правду мне сказали -
Ту, что почувствовал тогда.

1993.

Стимул

Когда событие иль творенье
Красой нездешней ввысь зовет,
То Б-г послал мне вдохновенье -
Желанного стиха полет.

Когда в душе моей тревога,
Когда я совестью судим,
Я снова слышу голос Б-га ...
И льется стих в согласие с Ним.

1993.

Парень с галерки

К борьбе и страданиям героя
Был зал напряженно внимателен:
Актер уводил за собою,
Правдивой душой обаятелен.

Могучим живым водопадом
Плескали ладони горячие.
И ряд поднимался за рядом -
И счастливы были стоящие.

Но не было публике дела
До парня, от боли молчавшего:
С галерки себя обалдело
В герое спектакля узнавшего.

Суровая схватка на сцене
Кончалась героя победою,
А парень - терпел поражение,
Отчаянью края не ведая.

Овация морем укора
На совесть и гордость катила вал:
Как будто бы предал актера
И тех, кто ему аплодировал.

Встал парень ...
Сквозь возгласы " bravo"
Услышал он сердца веление:
Бороться за правду! За право
На главное - на уважение.

1985.

ИЗ ЦИКЛА «БОЛЬ»

Пытка

Почему ты пришла с заслоном?
Это мне - в укол? Иль - себя боясь?
Ах, расстаться поможет он нам?
Что, ему уже отдана та страсть?

Ты торопишься? Вам - в дорогу?
Значит, пытка моя кончается?
Проводить вас? Хотя б немного?
Что ж, иду. Горизонт качается

Сонным, сереньким разговором.
Вот уже и вокзал автобусный.
Вдруг тихонько, карманным вором,
Руку взял твою, миг я побыл с ней.

Но нужна ли на миг рука мне?
Это - дробь бесконечно малая ...
Без оглядки, пиная камни,
Ухожу от автовокзала я.

1967.

Раскаяние

(Подражание Востоку)

В твоей улыбке Солнце я увидел.
Зачем же снова вдруг тебя обидел?
Так тяжело стало, сам себе не мил
За то, что Солнце тучею закрыл.

Прости меня: ведь ты великодушна.
Все вынесу, все сделаю послушно,
Чтоб вновь твоя улыбка ожила:
Без Солнца жизнь жалка. И тяжела.

1968.

Мое сердце

Я такой же, как ты. Посмотри:
Руки, ноги, лицо. И нос,
На котором сегодня - прыщ.
У тебя на носу нет прыща? Ну и что?
Зато у обоих есть печень. И желчь ...
И многое схоже еще.
Нет, о сердце не надо! Прошу!
Не такое оно, мое сердце:
Боль несчастных людей всей Земли,
Всех времен и народов
С ужасною силой сжимает его.
Потому-то, наверно, так мало
В нем осталось пространства
                                для женщин любимых:
Для одной предназначено место,
                                а живут они - обе.
И от этого только сильнее
                                в сердце боль.
Люди мирным сосуществованьем
                                называют такое.
Зеваешь?!
Утомил болтовней - ты устал?
Я, конечно, виновен: зачем
                                разболтался не в меру?
На футбольный торопишься матч?
Не держу. Поспешу.
Несомненно, там так интересно ...

1970.

Два ангела

Я узнал, изучая Тору,
Что при выходе в жизни круг,
Ангел белый и ангел черный
К нам на плечи садятся вдруг.

Если скверное сделать дело,
Черный ангел твой грех зачтет.
Скажет " ДА " ему ангел белый.
От беды тебя не спасет.

Белый ангел добро похвалит,
И зачтется оно тебе.
Сможет черный тогда едва ли
Отменить твой подъем в судьбе.

У меня же, наверно, сами,
Обнаружив изъян большой,
Поменялись они местами:
Я пришел в этот мир левшой.

Мне бы сызмала надо было
Поступать, как левше идет.
Нет же, вправо мой путь сводило.
Все случалось наоборот.

Поздно понял я ту ошибку,
Снова путь повторить нельзя.
Потому приуныл я шибко,
По параболе вниз скользя.

***

Я походкой бреду покорной.
Я от бед и от лет зачах.

***

Ангел белый и ангел черный
На усталых моих плечах.

Октябрь 2002 года.

Прогресс

Обезьянами были когда-то мы.
А теперь нам послушны и атомы.
Силой разума, силою гения
Углубились мы в тайны Творения,

Вознеслись к облакам небоскребами.
Но не справились мы с твердолобыми.
Все, что пользу несет, эти дюжие
Превращают упорно в оружие -

Супербомбы в ракеты упрятаны,
Не сегодня так завтра взлетят они ...
И от страха дрожит, как овечий хвост,
Термоядерное человечество.

1970.

Три вопроса

Я - не потомок обезьяны:
Я - дальний предок. Или брат.
Хоть одинаковы изъяны,
Другим я горд. Другому - рад:

Я мыслью, речью обладаю!
Я шерстью не везде оброс.
Я лик Земли преображаю!
- Зачем? - в мозгу шипит вопрос. -
Не обезьянья ль движет похоть
Цивилизацией людей?
Вопрос жесток ... Завыть? Заохать?
Иль зачеркнуть строку скорей?..

Второй вопрос ползет несмело:
- Возможно ль обезьянью рать
Заставить вдруг - остервенело
Себе подобных убивать?

- Ты лучше или хуже этих,
Послушных гену, как бичу? -
Вопрос выслушиваю третий.
И, горько плача, хохочу

1970.

Цена покоя

Недовольный судьбой,
Я ворчал и стонал,
Потому что с тобой
Все покоя не знал.
А ведь это был день
Вдохновенных тревог:
На любую ступень
Подниматься я мог.

Чтоб не мучить меня,
Ты сдалась - и ушла.
Вместо бурного дня
Мой покой отдала.
Что ж не льются стихи?
Иль погода не та?
Стержни в ручках плохи?
Нет, покой - маята ...

1970.

Записка

Ушла ты. А я - чумной.
Сдавила годов усталость.
Записка твоя со мной
Измены гонцом осталась.
От строчек того листка
В январскую ночь не спится.
И в сердце больном тоска
Застряла вязальной спицей.

1961.

Печка

Старый дом одноэтажный
В землю медленно вращал.
Помешал он стройке важной -
Черный час его настал:
Пыль взметнув, полег до срока
(Избиение - не бой).
Только печка одиноко
В небо целится трубой.

1961.

Роль?

Неужто с самого рожденья,
Играя роли, целый день я
Себя другим воображал,
Спектакль отчаянно играл?

Изображал я пионера,
Носил я галстук для примера.
Два года в лагере подряд
Я детский возглавлял отряд.

Отличника играл легко я,
Хоть левою писал рукою.
Рубаху-парня так играл,
Что удостоился похвал.

Играл я даже хулигана,
Носил я финку постоянно.
Но вдруг женился: мне мила
Роль мужа и отца была!

Играл рабочего, студента,
Учителя, корреспондента,
И в драматурга поиграл.
Потом репатриантом стал.

Играл неплохо я вначале,
Но силы духа иссякали,
И стал я слаб, и стал я стар,
И даже роль играть устал.

Мне душу рвет моя ментальность:
Хоть ей близка России дальность,
Но в то же время я - еврей
На древней родине своей ...

Ах, были роли все чужими,
И чуждым было даже имя ...
А надо было в лад с судьбой
Быть лишь всегда самим собой.

О если б, не играя роли,
Мне обладать всецельем Воли,
Науки жадно изучать!
О если б снова мог начать!

Стремился бы я неуклонно
Помочь несчетным миллионам -
И людям мира счастье дать ...
О если б роли не играть!

Подчас я думаю, что каждый,
Кто в этот мир пришел однажды,
Про роль не скажет никому,
И даже Б-гу самому.

Напрасно: видит все Вс-вышний.
Смеется Он над ложью пышной -
Он знает истину и роль!
Но скрыт Б-жественный пароль ...

2003.

Цветы юбилейные

Мне вручили букет на моем юбилее.
Улыбнулся. Но вдруг застонала душа:
Оттого, что убили цветы - не жалея,
Деловито за прибылью к рынку спеша.

Промолчал, мне бы с мудрой улыбкой сказали:
- Не печалься, полусумасшедший поэт,
Ведь цветы все равно бы на днях приувяли,
Потому что живому бессмертия нет.

Верно это, но ветви зальются слезами
О безвременной гибели нежных цветов.
Почему же за жизнь мы цепляемся сами –
За увялость и сморщенность поздних годов?

Август 2006 года.

Азкара

Боль в усталых ногах презирая,
По дороге крутой и кривой,
К синагоге я, мама, шагаю
Для таинственной встречи с тобой.
Азкара – это горькое слово,
В нем – следы моих прожитых лет.
Что ни день, вспоминаю я снова
Беззаветной любви твоей свет.
Потерял я свой путь незаметно
В лабиринтах чащобы мирской,
Не нашел своей ниши заветной,
Не обрел я душевный покой.
Я – старик, и сегодня я старше,
Чем была ты к обрыву пути.
Я шагаю в трагическом марше
К небесам мой кадиш вознести.
Возложу я тфилин и надену
Я кипу мою, белый талит.
И кадиш мой легко, вдохновенно
К голубым небесам улетит.
И Вс-вышний поймет, как безмерны
Покаяния боль и печаль,
Пожалеет меня Он, наверно.
Но простит ли? Едва ли ... Едва ль ...

2009.

Как бы интеллигент

Себя не считаю я интеллигентом,
Воспитан я улицей был в основном:
Вором, хулиганом, барыгой и ментом,
Соседом – бездельником и блядуном.

А впрочем, не скрою, и школа влияла,
И книги, что я без разбора глотал.
С любовью родители дали немало,
Но улицы голос – увы!- побеждал.

Я много учился, но мало усвоил.
Немало я начал, но не завершил.
Всегда недоволен судьбой и собою,
Я доброе сеял, но чаще – грешил.

Прошу не считать меня интеллигентом.
Я серая тень среди многих теней.
И жизни моей не ярка кинолента,
Хоть много и боли, и горечи в ней.

2008, июнь.

Покаяние

Отягощенный многими грехами,
Я возраста печального достиг.
И вдруг восстал меж прочими стихами
Едва ль не самый горестный мой стих.
Я с детства воспылал любовью к людям
И добрых дел немало совершил.
Но в серой суете и пыли буден
Подчас нелепо, тягостно грешил.
Причиною – безволие рассудка
И сил инстинкта низменная мощь.
Она тобой вдруг овладеет жутко -
И, курс теряя, не туда идешь.
Была грехам еще одна причина –
Усталостью рядившаяся лень.
И где лицо ее, а где – личина,
Не видел я и в самый светлый день.
Когда меня за добрый труд мой хвалят,
Я о грехах лишь думаю своих.
Они меня гнетут, они печалят,
И весь мой мир – страдание от них.

21 июня 2011 года, 17:44.

Плач о матери

Памяти матери моей посвящается.

Одним из тех воспоминаний,
Что правят мыслями людей,
Тыходишь в ум из дали дальней -
Виденье матери моей.

По дням былым умом иду я,
Как в ленте милого кино -
Тебя вдруг вижу молодую,
Хоть сам уж в прадедах давно.

Всему на свете есть начало:
Я знаю, был далекий миг —
Натужно, мама, ты кричала,
Чтоб я издал свой первый крик ...

И снова, будто в колыбели,
Я песни слушаю твои:
Они сквозь годы пролетели
Со мною символом любви.

Ты многое прощать умела
И маленькому сорванцу,
И юноше, чья кровь кипела,
И даже зрелому глупцу.

Под взрывы бомб и гром орудий
Умела ты не унывать.
Но годы шли — менялись люди.
Тебя старушкой стали звать.

Наивна и добра, как дети,
И бескорыстна, как любовь,
Моя единственная в свете,
Тебя я с болью вижу вновь:

Святые ласковые руки,
Спешащий шаркающий шаг ...
Твоих последних болей муки —
И твердость мужества в глазах ...

Уж нет тебя, моя родная,
Со мною рядом столько лет!
Лишь о былом напоминая,
Глядит со стенки твой портрет.

И хмур, и строг твой взгляд суровый,
Но греет душу в глубине -
И захотелось с силой новой
С тобою поделиться мне.

Потоком мыслей поделиться,
Бедой и радостью моей -
И на коленях повиниться
За все ошибки прошлых дней.

Увы, могу я лишь портрету
Свой стон, слезу свою отдать.
И, как положено поэту,
Всю боль души в строку послать.

1998-2011.

Может быть ...

Не сумел я в миг торжественный
Разглядеть судьбу свою ...
Старый и почти что женственный
Перед бездною стою ...

Может быть, совсем не стоило
Мне бояться перемен?
Лучше ль, хуже было б стойло?
Слаще ль, горше ль был бы плен?

Февраль 2003.

Второе пророчество

Когда в телевизор я тупо гляжу,
Теряясь от недоуменья,
Последних известий нелепая жуть
Во мне порождает виденья.

Я вижу: вздымаются к небу грибы -
Атомные, водородные.
И некому мертвых вложить в гробы,
И бродят мутанты голодные.

Давно никого из людей нет в живых,
Но злобно взлетают ракеты,
Взрываясь, рождают шальные грибы,
Губя биосферу планеты.

Огромные крысы едят все подряд,
Игрой радиации созданы.
Леса поредели, усохли, горят -
И жрут кислород из воздуха.

Садятся межзвездные корабли,
Из них - инопланетяне.
Ослабились радостно: помогли
Им смертью своей земляне ...

Исчезли виденья. А мысли текут
Бессильною мрачной волною.
И я нажимаю сердито на пульт -
И гаснет экран предо мною.

2 мая 2012 года.

Твое письмо

Я сжег письмо: простое дело...
Бумага жалобно горела -
Рыдая, корчилась в огне
Строка, взывавшая ко мне.
Дрожали, холодея, руки:
В огне метался стон разлуки,
Из пепла плакал шепот твой -
Последний зов любви живой.
Огонь погас, окончив дело -
Все было так, как ты велела.
Но снится жуткой болью мне
Строка, рыдавшая в огне.

1992.

Прощальный шепот

Мы прощались. Тебя терять я
Начинал в этот час жестокий.
Нам ли время направить вспять?!
Вдруг, поникнув в моих объятьях,
Ты шепнула с тоской глубокой,
Что боишься забытой стать.
Ум взорвала, преград не зная,
Жуткой болью в одно мгновенье
Опоздавших терзаний рать.
И шептал я в ответ: - Родная!
Дивной цепи незримы звенья,
Но ничем их не расковать:
Коль тоскуешь - и я тоскую.
Рад я жизни, коль ты ей рада.
Посмотри мне в глаза, ответь:
Как забыть мне тебя, такую?
Как мне вынести муки ада?
Как с ума не сойти суметь?

Мог ли знать я в тот час прощальный,
Что себя самого теряю,
Лишь осколок застрял в груди? ...
Что твой шепот волной печальной
Будет, памятью укоряя,
В час полуночный приходить?

2012.

Ты помнишь?..

Сквозь даль телефонную голос я твой
Услышал, тот голос любви нашей прежней -
И вспомнились заново встречи с тобой,
Покорная ласка смущенности нежной.

Ты помнишь ли, как мы с тобою вдвоем
Искали местечко для уединенья?
Как щеки пылали желанья огнем
И кровь горячела почти до кипенья?

Ты помнишь те лестницы и чердаки,
Каюты в порту и ночные скамейки,
Густые кусты у уснувшей реки,
Сторожку заброшенной узкоколейки?

Ты помнишь ли бегство мое от тебя,
Предательство злее змеиного жала?
Неужто полвека, все так же любя,
Меня мужчин. лишь меня ты желала?

Прими ж этот стих покаянной души
(создал, опустившись на оба колена),
И твердой рукой обо мне напиши:
«Остался рабом он, сбежавший из плена».

Из памяти выбрось меня навсегда,
За душу свою помолись пред иконой.
Без ласки твоей разбросал я года
В пыли колесницы судьбы непреклонной.

3 декабря 2012 года.

Злая гроза

Злее этой грозы не помню я.
Но ушла, отсверкала молния,
И утихла потусторонняя
Разъяренного грома пальба -
И ушла ты с грозой, любимая.
И ушла ты. Неумолимая.
И загадочная, как судьба.

И осталась волшебной тайною
Наша встреча необычайная:
Непонятная, не случайная.
И осталась прощания боль.
Было ль? Нет? Не скажу уверенно.
Только памятью не потеряно
То, что было на миг отмерено
И скупую, и доброй судьбой.

1973.

«Твоя»

Прошли года. Но та же в сердце боль.
И шепот твой в ночах моих не замер.
Он шел сквозь время. Шел, дыша тобой.
Так весть идет сквозь строй тюремных камер.

И вот - письмо. Твое. Издалека.
Обратный адрес понимал едва я.
Чужою стала вдруг моя рука,
Конверт, судьбу несущий, надрывая.

Написано о том и о другом -
Словами равнодушными, пустыми.
А главное - в конце. Оно - как гром:
"Твоя". И рядом - памятное имя.

- Несите, крылья, к ней! - я стал взывать. -
Преодолейте время, расстоянье!
Но крыльев - нет... Не льется время вспять...
Застряла в сердце боль воспоминанья.

1981.

На мосту
(Слепая богиня)

Знобила погода серая,
Хлеща на большом мосту.
Но к чуду спешил я, веруя,
Сквозь стужу и суету:

Навстречу мне шли глаза твои,
Певучей струной звеня.
А мимо ползли пузатые,
Судя за тебя меня.

От взглядов ли от пузановых,
От слов ли, что злом сильны,
Но вдруг я себя глазами их
Увидел со стороны.

И рядом - тебя, красивую ...
А ты и не поняла,
С какою звериной силою
Тоска меня обняла.

И звоны умолкли струнные.
Ушел я - вдвоем с тоской ...
Слепая богиня юная
Махала мне вслед рукой.

1977.

Жалкая

По утрам - жалка, плоха, немила -
На углу, где гложет поворот,
Тощая собака выходила
И ложилась молча у ворот.

То ли не кормил ее хозяин,
То ли ела хворь, лишая сил?
Горестно сочувствовал ли ей,
За других прощения ль просил?

Мне бы подкормить ее, бедняжку!
Да чужая! Побоялся я ...
Обвинят еще ... А спорить тяжело:
Кто я ей? Собака – не моя ...

И однажды бедненькой не стало -
И заняло сердце у меня,
Будто бы навеки потеряло
Лучик света солнечного дня.

Новая собака звонко лает
За оградой у того угла.
А в глазах моих болит, не тает
Образ той, что так жалка была.

1996.

Прости!

Бежал под лунным светом пароход.
Как мог, бежал, луну догнать спеша,
И рассекал, сердясь, сцепленье вод
Посеребренной глади Иртыша.

На палубе стояли мы с тобой.
Я пьян был, объяснялся, как в бреду.
А лунный свет, истошно-голубой,
Вопил, что ждет, когда же я уйду...

Все в памяти живет: тот жуткий свет,
Мой голос - пьяный, странный и чужой,
Надежду давший мне твой тихий смех -
И ярый хмель, хлеставший ум вожжей...

Прошли года... Я гость. Ты не одна:
Хороший сын у матери растет.
В бокал все подливаешь мне вина -
И плавный разговор легко течет.

О том, что хоть мы в разных городах,
Но дружба – та же, и сердца - родней.
Молчим о молодых своих годах.
И о любви - молчим. Молчим о ней!

А вдруг она всегда была и есть?
Не у других - у нас. Всего у двух...
Сумел я вдруг в глазах твоих прочесть
Слова, которых ты не скажешь вслух!

И видишь то же ты в глазах моих.
Но чинно мы с пирожным кофе пьем.
Прости меня! Прости - за нас двоих,
Которым не бывать уже вдвоем.

1981.

Ночное признание

Весенней ночью ясны зори
И звуки призрачно тихи.
Я бормочу: memento mori! -
И в такт шагам плету стихи.

О том, что - раб смешных догадок,
Дурных примет и вещей снов -
Я сам себе смешон и гадок,
Что крик души моей не нов.

О том, что сгнули задатки
В дыму табачном и вине,
Что сил истрачены остатки
В высокопарной болтовне.

О том, что вот я волком вою,
Бреду, себе не люб, не мил.
Что стукнув стену головою,
Я многих бы не удивил.

Бурчат мне мудро, осторожно:
Есть долг, работа и семья!
Бурчат, что тьмы других, возможно,
Грешны поболее, чем я.

Да мне-то от того легко ли,
Что где-то кто-то плох и слаб?!
О если бы достало воли,
Судьба моя иной была б:

Я к цели шел бы непреклонно
И время с жадностью берег!

...

Смешно: из-под одеколона
Добыл я с ядом пузырек...

1971.

Друзья мои

Я уважаю волю, ум и силу,
Пред подвигом колена преклоню.
В восторге я от лиц и тел красивых,
К ним зависть изничтожу на корню.

Меня тошнит от фарисеев сладких,
От ханжествующих в миру святош,
Мне слабых жаль, к наркотным грезам падких,
Мне страшно видеть злобу диких рож.

Друзья мои - такие же шальные
И неприкаянные, как я сам.
Я их люблю, хоть, может быть, иные
Угодны и Судьбе, и Небесам.

Люблю за то, что в поисках безмерных
Заветный путь не сразу свой нашли,
В сплетеньях Зла с Добром порвали нервы,
Но боль за всех - хоть мучила - спасли.

2003.

Вернись!

Почему я пишу эти строки?
Потому что стихи - моя боль.
Потому что так долго
нет тебя.

Вернись!
Иначе, возможно,
Я тысячу глупостей
Непоправимых
Могу совершить.
А ты не поймешь - почему.
И скажешь устало, что ты
Другого и не ждала.

Ну как ты не можешь понять,
Что рядом должна быть?
Тогда
Все просто и ясно,
Хоть времени больше -
Сейчас.

Другие?
Не надо о них!
Другие - отчаянье,
Чужими они оставались
Даже в объятьях.
Ты знаешь об этом.

Вернись,
Не то я подумать могу,
Что и ты -
Чужая,
Что силой фантазии дикой
Внушил себе сам я
Когда-то
Обратное ...

Но если я даже подумаю так,
Изменить
Ничего не смогу я.
Ты нужна мне, лишь ты.
Понимаешь?
Вернись!

1978.

Пальчики

Ты помнишь, бросив все дела,
Сбегал к тебе я, к деве милой,
В те дни, когда любовь цвела
И ум неопытный пьянила?

Пьянила косами до пят,
И голосом твоим, и статью -
И серой жизни чуждый ад
Я забывал в твоих объятьях.

Ласкал я пальчики твои,
Такие тоненькие пальцы ...
Я ими в томный час любви
Никак не мог налюбоваться ...

Как день один, промчались дни,
Спрессованы в десятилетия.
А пальчики? В узлах они ...
Без боли не могу глядеть я!

Но не прочтешь в глазах моих
Сочувствия и сожаленья:
Я прячу взгляд в годах иных,
Спешу в далекий светлый день я -

И вновь, былым волненьем пьян,
Ту руку вижу я - былую!
Сквозь слёз щекощущий туман
Я пальцы прежние целую.

2001.

Боль

Сегодня снова оказался
Я в городе, где ты живешь.
Тревогой, болью вдруг взорвался
Покой души, который - ложь.

Брожу, бездумной болью пьяный, -
И все гоню себя, гоню.
Ползет угрюмо взгляд туманный
Навстречу солнечному дню.

Вокруг - великий, гордый город.
Прекрасней в мире не найдешь.
Мне ж он еще и болью дорог:
Здесь ты, забыв меня, живешь.

1999.

Жалоба

Чем старше становлюсь, тем ревностней и строже
Страну моих стихов читаю и пишу.
Лишь правды я хочу - не слов, что с нею схожи.
Но правды этой боль с трудом переносу.

Метался зов души, как в первой клетке птица,
Стремился я к Добру из плотской тесноты.
Но Зло сплелось с Добром, утрачена граница.
И, смешиваясь, лгут знакомые черты.

Зачем, зачем стихом я лгал себе и людям,
Любовью называл голодной плоти зов?
Зачем не проклинал фанфары жалких буден,
Бездушный пир верхов, бездумный мрак низов?

Душа моя больна: любовью и презреньем,
Жестокой их борьбой она оглушена.
И страшно в мир войти моим стихотвореньям:
В них боль - и правды зов, но правда ли нужна?

Кому, зачем пишу? Фантазией крылатой
Зачем рождается крик зовущего стиха?
Безвестье стало мне наградой и расплатой.
А ты, мой странный друг, по-прежнему ль глуха?

1991.

У парапета

Женщина стоит у парапета.
Статуей застыла под луной.
Женщина одна - не странно ль это
Средь курортной похоти ночной?

Ей сегодня бездна приоткрылась.
Отряхнув вседневный серый слой,
С вечностью душа разговорила
Чистою святою глубиной:

Женщина в симфонию Вселенной
Вслушалась - и в ткань ее вплела
Зов души молитвой сокровенной -
И на миг блаженство обрела.

Ты - красивый, опытный и смелый.
Твой прицел - такую покорить.
Ты легко порвешь рукой умелой
Святости таинственную нить.

1981.

Юбилей

Печальны дни шестидесятилетий,
Ухода от бодрящей суеты.
Со мною в день такой прощались дети,
Даря живые все еще цветы.

Коллеги мне смущенно руку жали,
Произнося бесцветные слова.
Тоску в глазах моих не замечали,
Хотя для них она была нова.

Надолго ль, навсегда ль та злая сила,
Та грозная, нещадная тоска
Прозрением ненужности пронзила -
Той самой, что, казалось, далека?

Вдруг понял я: за прожитые годы
Так мало сделал я, так много мог ...
И горько мне, что не избрал свободы
Среди судьбой предложенных дорог!

1987.

Аттестаты

Раз в год приходят в зал солдаты,
Они вручают аттестаты
Всем, Катастрофу пережившим:
Еврейам, в горьком гетто бывшим,

В кошмарном лагере страдавшим,
Или успешно убежавшим,
И замерзавшим, голодавшим,
А также - смело воевавшим.

Жмут руки старые солдатам,
Стоят пред фотоаппаратом.
Над ними в том ряду мгновений:
Витают миллионов тени.

Старушка поднялась со стула,
Она тихонечко всплакнула.
Но жаркое возносит слово:
- Желая вам не знать такого!

Приходят новые солдаты,
Вручают людям аттестаты.
Но их все меньше, меньше надо:
Ушедшим память лишь награда.

21 марта 2013 года.

- Мама ...

Баллада

В могучем Советском Союзе
Жил паренек толковый.
Он на заводе трудился
И был вратарем в команде.

Он подавал надежды
Во всем, за что бы ни брался.
Один был у матери этот
Добрый и храбрый парень.

Отца его расстреляли
Как злого врага народа,
Хотя он был патриотом
Страны и Партии тоже.

А это – беда для сына:
Нигде ему хода нету,
Как злых колдунов проклятье,
Мешала отца судьбина.

Он верил отцу. Он верил,
Что правда восторжествует -
И снова родной, любимый
В их тонкую дверь постучится.

Пока же точил детали
И крепко стоял в воротах.
Он мать обожал родную,
Всегда помогать старался.

Как гром средь ясного неба,
Война разразилась вскоре.
И парень пошел в семнадцать
На фронт добровольцем смелым.

А мать заняла его место
За тем же станком токарным,
И верила, что вернется
Сынок ее с днем победы.

В жестоких боях позналось,
Что враг был куда сильнее.
Ломая сопротивление,
К столице он приближался.

Тем утром в контратаку
Пошел батальон, не дрогнув.
Но парень в бою сражен был
Жестокой слепой пулей.

Вошла она прямо в сердце –
Успел он шепнуть лишь: - Мама ...
И зов его дикой болью
Пронзил материнское сердце.

И, вскрикнув, навзничь упала,
Она, сознание утратив.
Настолько сильна бывает
Святая связь материнства.

Вращался упрямо шпиндель,
И суппорт вперед стремился,
Резец уменьшал диаметр
Зажатой в патрон детали.
А женщина без сознания
Лежала, раскинув руки.
Тут медики подбежали,
Сознание бедной вернули –

И горько она вскричала:
- Тебя никогда не увижу.
Зачем навсегда ушел ты,
А я живую осталась?
И встала скорей, шатаясь,
И выключить ток успела.
Не то бы станок сломался!
И все вокруг поразились ...

***

Ей жить суждено было долго,
И многим помочь в беде их,
Обласканной быть властью,
Светиться в лучах почета.
Она же все долгие годы
Одна провела. Лишь ночью
Ей снятся то муж любимый,
То сын их, парнишка славный.
И снится ей поле битвы,
И сына паденье наземь ...
И с криком она проснется,
Услышав последнее: - Мама ...

2 09 2013

Средство верное

Был голос певчий у меня.
Я пел в лесу, в концертном зале,
Мне столько добрых слов сказали!
Без песен я не жил и дня.

Пылал огонь в моей крови,
Я пел о страсти бескорыстно.
Была чужда и ненавистна
Мне мысль о жизни без любви.

Я о любви всем сердцем пел -
И голос мой звучал прекрасно.
Но верил в верность я напрасно:
Мой черный день прийти успел.

И песни петь я перестал:
От слов любви – одна досада.
Не знал я, что мне сделать надо,
Но песням сумрачно сказал:

Умолкни, песня о любви!
В любовь отныне я не верю.
Но можно ль пережить потерю
Той знойной радости в крови?

Но средство верное пришло,
Стихи: своей строки рожденье,
Стихов друзей-поэтов чтение,
Нежданных отзывов тепло.

2013.

ИЗ ЦИКЛА «МОЛЬБА»

Крик отчаяния (Крик)

Я так хотел любовь познать,
Как жаждет боя новый воин.
Но мост неверно был построен:
Душою я не стал достоин
Пополнить любящую рать.

Свершив немало добрых дел,
Подчас я Злу спешил поддаться,
Устав с пороками сражаться:
Они - во мне, не оторваться ...
И зов высокий все слабел ...

Пошли мне, Господи, любовь!
Пусть безответную! Шальную!
Пусть адом ревности больную
И для других людей - смешную ...
Но душу пусть возвысит Новь!

1947.

Братьям

Десять заповедей завещаны
И для нас, и для всех людей.
Но не видеть нам рай обещанный:
От единства далек еврей!

Перестаньте же, братья, ссориться!
Заклинаю любовью вас!
Посоветуйтесь, братья, с совестью
В этот наш судьбоносный час!

Полюбите друг друга искренно,
Соберитесь в один кулак -
И тогда нашу волю к истине
Распознают и друг, и враг.

20 октября 2002 года.

Молитва о ключе

О Вс-вышний, молю!
Ты, Кого так люблю,
Дай мне ключ к завершенью пути!
Послужу я Добру
До того, как умру,
Чтоб Твое Снисхождение найти ...

2002.

Поверь!

Великий Б-г моих далеких предков!
Моей мольбе отчаянной поверь!
Смеялся часто я и плакал редко,
Но на колени пал я лишь теперь.

Я к вере шел нелегкими шагами,
Я и сегодня верю лишь Тебе -
Скрижалям тем, что перед прадедами
Моисей сложил - путем к святой судьбе.

Я не святой, я грешник окаянный,
Но знаешь Ты – и я добро творил.
И горькою молитвой покаянной
Не год, не два к прощенью путь торил.

Склоняясь пред Твоими мудрецами,
Я верю в Совесть. Совесть – это Ты.
Лишь ею можем мы проверить сами
Дела и мысли, чувства и мечты.

Поверь и ныне мне, о Бесконечный!
Тебе я никогда еще не лгал:
Ни в юности, веселой и беспечной,
Ни в зрелости, где мыслил и страдал.

Но Ты и так все в мире этом знаешь,
Попытка обмануть Тебя смешна.
Свободный выбор нам предоставляешь –
И проявить себя даешь сполна.

1992.

Опомнитесь!
(Душа еврея)

Душа еврея изначально
Своей полярностью сложна:
Она смешлива - и печальна,
Она сурова - и нежна.

Умом силен еще с пеленок,
К познанию жаден весь свой век.
Седой - наивен, как ребенок:
Ведь счастья хочет он для всех.

Смущая мысль иных народов,
Вставал тревожною порой
На бой за жизнь и за свободу
Народ-солдат, народ-герой.

Но нет нам мира и покоя,
Наш враг - губительный разлад.
Так просто собственной рукою
Себя из рая выгнать в ад ...

Пора! Опомнитесь, евреи!
Мы все - единая душа.
Раздоры - прочь! Союз - теснее!
Награда - дивно хороша!

1995.

Зов

С межпланетного корабля
Уж не так велика Земля.
И едва лишь на ней видна
Эта маленькая страна.

А в стране свою жизнь ведет
Удивительнейший народ:
Цель начала и суть конца
Получил он из рук Творца.

Но, свершая немало дел,
Полдороги лишь одолел:
Затерялись и ты, и я
В бестолковости бытия.

Час настал, о мой брат-еврей,
Ради вечной души своей
Единенья секрет найти -
Озаренье всего пути.

Соберем воедино мы
Все таланты и все умы,
Все желанья, любовь и гнев,
Тем преграды преодолев.

И настанет великий час,
И поймут, и оценят нас,
Все народы пойдут путем,
Нить которого вновь найдем.

Будет рядом мой брат-араб,
Будет рядом мой русский брат,
Все народы и города
Станут братьями навсегда.

1993.

Росточек

Утром вышел во двор. Птицы гимн еще свой не запели.
Тяжко спят старики - и младенцы сопят в колыбели.
И увидел я чудо: сквозь плотность бетонной укладки
Вдруг пробился росток - беззащитный, и слабый, и шаткий.

Ты таинственна, жизнь: всемогущество – знак твоей силы,
Той, что плиты бетонные нежным росточком пронзила!
Но жестоко наступит сапог на невинность росточка -
И в едва лишь начавшейся жизни поставлена точка.

Шел я дальше, от мыслей нежданных смеясь и страдая.
Их, в блокнот записав, сохранил для людей навсегда я.
А нужна ль ты, строка моя горькая, людям? Не знаю ...
Лишь хочу, чтоб не тронул сапог твои буквы, родная!

Август 2011 года.

ИЗ ЦИКЛА «ПЕСНИ»

Верю

(музыка Александра Бутюгова)

Ночь плывет, не спеша,
Зыбкой тайной полна.
Берега Иртыша
Тропкой сводит луна

В голубой тишине
Расцветает весна.
Что ж не радостно мне
Этой ночью без сна?

Здесь недавно с тобой
Мы бродили вдвоем.
Лунный свет голубой.
Был во взгляде твоём.

О любви и весне
Шелестела листва.
С ней слились в тишине
Дальней песни слова.

Ты ушла, как вода:
Не сумел удержать,
Но тебя никогда
Не устану я ждать.

Верю я, что придет
Та награда ко мне:
Вновь весна запоет
В голубой тишине.

1955.

Примета

Вместе с любимой в вагон мы вошли,
Взяли билеты и цифры прочли.
Стали считать: если равные части,
Ждут нас, наверно, согласие и счастье.

Цифры сошлись - и билет я отдал
Милой своей, как всегда отдавал.
Верил я, верил наивно, как дети:
Верил подруге и верил примете.

Кто-то другой на пути ее встал,
Цифры билетные он не считал ...
Еду один я в холодном трамвае,
Бросил монету, билет отрываю.
Сходятся цифры, сомнения нет.
Люди, вам нужен счастливый билет?
Счастливый билет!
Счастливый билет!!!
Счастливый билет ...

1970.

Песня моряка

(музыка Александра. Бутюгова)

Белые чайки летят надо мной.
Скрылся за дымкою берег родной.
Лаской искрится волны бирюза,
Словно любимой глаза.

Море лазурное тайны полно,
Штормы и грозы скрывает оно.
Смело бороться - судьба моряка.
Служба моя нелегка.

Разные страны лежат на пути.
Ты, моя песня, к подруге лети.
Пусть она знает, что в дальнем краю
Я для нее лишь пою.

Кончится рейс - и придут корабли
К мирному берегу нашей земли.
Мне улыбнутся родные глаза,
Словно волны бирюза.

1956???

Песня влюбленного

Опоздала ты на свиданье -
Мне казалось, что в ожиданьи
Шли года.
Но теперь мы с тобою рядом -
И вдвоем нам остаться надо
Навсегда.
Я люблю тебя так безмерно,
Что умру от тоски, наверно,
Без тебя.
Не пойму я, как жил когда-то:
Был я роботом, автоматом,
Не любя.
Так не будь же теперь упрямой:
Выходи поскорее замуж
За меня.
Мы знакомы с тобой немало:
Ты надежно меня узнала
За два дня.

1976.

Резное крыльцо

В городке таких крылец немало.
Почему ж меня весна застала
У крыльца обычного того?
Потому что то крыльцо резное -
Для меня по-прежнему родное:
Провожал тебя я до него.

Помню, звезды ласково мерцали,
И глаза во тьме глаза искали,
И руке доверилась рука.
А сегодня нет тебя со мною.
Ты, как небо звездное ночное,
От меня сегодня далека.

Вот иду я улицей твоею,
На знакомый дом глядеть не смею:
Там чужие лица за окном.
Но на миг поверилось весною,
Будто ждет меня крыльцо резное,
Будто снова ты стоишь на нем.

1976.

Несмеяна (полушуточная песня)

Зовет меня, зовет меня моя мечта,
Она из сказки давних лет была взята.
Хочу царевну Несмеяну я найти
И к ней пройти готов нелегкие пути.

Она нежна, как дуновенье ветерка,
Она прекрасна, грациозна и легка.
Но мир людей ее навеки ужаснул,
И детский смех ее навек в душе уснул.

Она смеяться не умеет потому,
Что не доверилась на свете никому.
Ее сумею я, сумею рассмешить,
И тем любовь ее и нежность заслужить.

Я покажу ей все ничтожество царей,
Продажность челяди открою перед ней.
И под личинами увидит вдруг она
Ослов и змей, макак - не льва и не слона.

Она увидит, как ничтожны и мелки
Больших правителей духовные мирки,
И как велик душою труженик простой,
Который кормит и содержит род людской.

И Несмеяне станет истина ясна,
И расцветет в ее душе любви весна.
И зазвенит ее прекрасный первый смех,
И возвестит он счастье общее для всех.

Она прогонит бестолковых женихов,
Того оставит, кто умен, кто смел, толков,
Чей взор сияет светом солнечного дня.
Она полюбит ... Но, конечно, не меня.

15 января 2005 года.

Песня о маленьком городе
(мелодия песни «У Черного моря»)

Солист: Люблю я Израиль, отчизну отцов,
Его города и природу,
Великих героев, святых мудрецов,
Омытую кровью свободу.
Омытую кровью свободу.
Святую свободу.

Хор: Но мы вам сегодня откроем секрет.
Есть место в Израиле новом,
Милее которого, верим мы, нет.
И это не выразить словом.
Не выразить этого словом.
Не выразить словом.

Солист: Люблю я мой город, Рамат-ашарон,
Мой маленький ласковый город,
Красою негромкой завлек меня он.
О как он душе моей дорог!
Мой маленький ласковый город!
Мой ласковый город.

Хор: Мы любим наш город любовью большой,
Рамат-ашарону верны мы.
Мы это докажем умом и душой,
И всеми делами своими.
И всеми делами своими.
Делами своими.

Солист: Мой город красивее день ото дня,
Веселой листвой зеленеет.
И радуют новые стройки меня,
И словно душа молодеет,
И словно душа молодеет.
Душа молодеет.

Хор: Мы любим наш хостель и славных друзей,
Мы любим их удаль былую,
И старую мудрость еврейских очей,
И душу друзей молодую,
И душу друзей молодую,
Совсем молодую.

Девичья песня
Музыка Александра Бутюгова

Лег на землю тихий вечер,
В небе звездочка блестит.
Сердце ждет с любимым встречи,
Сердце девичье грустит.

Хороши у нас ребята,
Только нет милей тебя.
Разве сердце виновато,
Что грустит оно, любя?

Трудно мне самой признаться.
Милый мой, чего ж ты ждешь?
Коль захочешь догадаться,
В этой песне все поймешь.

Спит земля, теплом согрета.
Льются трели соловья.
Неужели без ответа
Будет петь любовь моя?

1956?

Тумбалалайка

перевод с идиша

Шаи Сеника и Александра Герзона

Думает парень целую ночь,
Как себе в деле важном помочь:
На ком бы жениться – и не ошибиться,
На ком бы жениться – и не ошибиться.

Припев:

*Тумбала-тумбала-тумбалалайка,
Друг мой хороший, не ссорься ни с кем!
Тумбалалайка, играй, балалайка,
Пусть будет весело, весело всем!*

Девушка, дай мне ответ поскорей:
Что может расти и расти без дождей?
Что может тайно пылать и гореть?
Огонь может сердце одно лишь терпеть.

Припев:

*Тумбала-тумбала-тумбалалайка,
Друг мой хороший, не ссорься ни с кем!
Тумбалалайка, играй, балалайка,
Пусть будет весело, весело всем!*

Парень, вопросы твои прекрати:
Камень без дождика может расти,
Тайно гореть любви лишь дано,
Плакать без слез может сердце одно.

Припев:

*Тумбала-тумбала-тумбалалайка,
Друг мой хороший, не ссорься ни с кем!
Тумбалалайка, играй, балалайка,
Пусть будет весело, весело всем!*

2007?

ИЗ ЦИКЛА «УЛЫБКА»

Акростих

Арлекин, влюбленный и печальный,
Из груди исторгнул вопль прощальный.
Долго эхо жалобно стонало.
А Восток уж солнце озаряло.
Яркий луч его проник в ущелье,
Лаской теплой согревая зелень.
Юной девы нежно он коснулся.
Было утро. Птичий мир проснулся.
Льются песни, славят Солнце птицы.
Юной деве надо пробудиться.
Так рассей же все свои сомненья:
Если левые без промедленья
Буквы прочитаешь до единой,
Ясной станет тайна Арлекина.

1949.

Змея

Я не спрятал под маской лица:
Я признался Змее, ошалев,
В том, что я, как ни стыдно, - Овца,
Но никак уж не Тигр, и не Лев.

Помолчала, краснея, Змея.
И ответ прозвучал, наконец:
- Откровенною буду и я:
Мы боимся не Львов, а Овец ...

1948?

Хитрая стрела

Щит создал я не из ваты -
Из надежнейшего сплава:
Диамата, и истмата,
И партийного устава.

Так закрыл я по науке
К сердцу путь опасным стрелам,
Что несут любовь и муки
Даже мудрым, даже смелым.

Но Амур, детеныш малый,
Натянул свой лук лениво
И, почти не целясь, вяло
Отпустил его тетиву.

Вмиг стрела, мой щит минуя,
Обогнула сердце с тыла -
И пронзила. Все! В плену я ...
Цел, как прежде, щит постылый.

1970.

Лимерики

1

Как-то раз неудачник-писатель
Возомнил, что он шпагоглотатель.
Гложет рукопись-шпагу,
Та не лезет ни шагу.
Ах, в психушку попал наш глотатель.

2

Оголтелый чудак-император
Стал у берега моря пиратом.
Бой жесток, чудик тонет.
Кто-то рядом. - Не тронет!
Ах, как славно поел аллигатор...

3

Впопыхах одноглазая кошка,
Видя мышь, промахнулась немножко,
Головою с разгону -
В бутылек самогону ...
За разбой арестована кошка.

4

Муж супругу застучал в постели.
И она, и любовник летели
Этажей восемнадцать -
Чтобы смяться-сломаться.
Муж расстрелян, без ссадин на теле.

5

Полюбил педагог ученицу -
Но она не спешила влюбиться.
Потрудившись немало,
Директрисою стала,
И пришлось ему ей подчиниться.

6

Совратила студента старуха -
И попала на ленту порнуха.
Ту порнушную ленту
Оплатили студенту -
И веселою стала житуха.

7

Аж полвека любились супруги,
Прям на зависть всёй ихней округе.
Вдруг с дороги свернули,
Оба улепетнули:
Женка - к другу, муж ейный - к подруге.

8

От прохожих бордель охраняя,
Злой кобель ускорительно лаял,
И в кроватях борделя
Все пружины запели,
Кобелю в резонанс подвывая.

9

Жил голодный малец воробьишко.
Наглотался дрожжей - и с излишком.
Поднялся он огромным
Людоедом бездомным ...
Ох, досталось беднягам-людишкам.

10

Вдруг ворона орех увидала.
В клюв свой тотчас его затолкала.
Наземь бросила с башни,
Чтоб разбить поудачней,
Да воткнулся он в груз самосвала.

11

Полюбил кочегар повариху.
Он ухаживал бойко и лихо.
Но халат чуть замазал -
И пощечина сразу!
Недотрогой была повариха.

12

Раскрасавица мужа пилила,
Потому что совсем не любила.
Угодить он старался,
Но не смог - и расстался.
Так нашла же его! И - убила.

13

Бабка кошек приبلудных кормила.
Те мяукали сладко и мило.
А потом обнаглели -
Дружно бабушку съели.
И - объелись. Теперь они - мыло.

14

Старику приглянулась девица,
И задумал на ней он жениться.
Он о свадьбе хлопочет,
А девица хохочет:
Овдоветь в тот же день не годится.

15

Измеряли мышонка мерилон,
Предназначенным лишь крокодилам.
Удивлялись размеру,
Что мерилу не в меру,
И глумились над славным и милым.

16

Разругался с женой оскорбитель –
И умчался к монахам в обитель.
Но монахом не ставший,
вновь к жене убежавший,
Он притих. Вывод сделать хотите ль?

17

От любой из тяжелых болезней
Нет лекарства верней и полезней,
Чем водичка плюс голод:
Будешь весел и молод,
Станешь жить с развеселою песней.

18

Полюбилась давнишнему другу
Закадычного друга подруга.
Он недолго боролся,
Друг с женою развелся –
Не от ревности, а от испуга.

19

Лоху дева-краса повстречалась –
Он женился, не медля ни малость.
Но едва лишь женился,
Спидом лох заразился:
Проституткой жена оказалась.

20

За автобусом старец погнался:
Он к врачу опоздать побоялся.
Он в автобус забрался,
В кошельке покопался,
Взяв билет, от инфаркта скончался.

2013-2014.

Артист и зритель

Едут чередою самосвалы -
Поспевай, подруливай, грузись!
Ловок экскаваторщик бывалый,
И не зря зовут его "артист":

Красота особая в движеньях
И стрелы, и тросов, и ковша.
Здесь - гармония и вдохновенье,
Здесь - артиста смелая душа.

А поодаль - рыженький мальчишка.
Он следит влюбленно за ковшом.
Ждут его обед, компьютер, книжка,
А мечта - о дальнем, о большом:

Кнопками он правит рычагами,
(Он в кабине герметичной сам),
Грузит грунт планеты, что над нами
Светит желтой точкой по ночам.

1978.

Звездочка

Это было не так уж давно:
Полнозвездною ночью Вирсавия
В современной машине " Рено "
Место мне по пути предоставила.

Довезла. - Как отблагодарить?
Показала на небо Вирсавия,
Улыбнулась: - Звезду подарить!
Ту! Всех звездочек ярче краса ее!

Я вздохнул: преогромна она -
Эта звездочка с древнею славою,
Смертоносного жара полна ...
Но не стал огорчать я Вирсавию,

Стих создал: в нем, как сердце в груди, -
Та звезда. Для тебя - для Вирсавии.
Разгляди же ее! Разгляди -
Через ритмы и рифмы лукавые.

1993.

Кем была ты?..
(Метаморфозы)

Ты откуда вдруг такая?
Дивной бабочкой порхая
Иль голубкою летая,
По велению Небес
Стала женщиной? Иль бес -
Автор чуда из чудес?

Может, кошкою была ты,
Хитрой, гибкой и усатой,
Черно-рыжей, полосатой,
Своенравной и шальной,
С жизнью тайной и двойной:
То дневною, то - ночной?

Иль не кошкой, а змеею
Ты ползла, шурша землею,
Яда тонкою струею
Погубить готова всех?
Твой свистящий грозный смех
Ужасал, как смертный грех?..

Иль цвела ты розой алой?
Красотою небывалой
Ты поэтов вдохновляла -
Их певучим волшебством
Стала милым существом,
Обаянья торжеством?

Иль сквозь все метаморфозы
Ты прошла до алой розы,
А теперь таишь угрозы
Тем, в ком страсть разбудишь ты
И манящие мечты
Грозной силой красоты?

1977.

Волшебники

Будь волшебником, конечно,
Перстнем стал бы я:
Пальчик твой ласкала б нежно
Преданность моя.

Пусть бы радуга сияла
На камнях моих,
Чтобы взгляд твой отвлекала
От вещей других.

Я бы верною собакой
На пороге лег,
Чтобы изредка поплакать
У любимых ног.

Чтоб рука хозяйки милой,
Пожалев меня,
Наполняла доброй силой
На исходе дня.

Млел бы я цветком душистым
На груди твоей ...
Но мечта, как дым, повисла,
Тая все скорей.

А волшебники-плутишки
Прячут хохоток:
Пес, у ног твоих притихший,
Перстень и цветок.

1978.

Соблазн

Вместе: дамы, мужчины,
И с детишками мать -
В синагоге так чинно
Сели раву внимать.

О великом и вечном
Мудрый рав говорил.
Но к волнениям беспечным
Милый вид поманил.

Ах, зачем я нежданно
Чудо-ножки узрел -
И в душе грехоманно
Темный зов возгорел?

Глаз, тяжелых и пьяных,
Все не мог отвести
Я от ножек желанных,
Чтобы душу спасти.

Слаб и грешен я, право,
Я бороться устал:
Я на лекции рава
Приходить перестал.

1993.

Кошачий двор

Дом – из пятиэтажных.
Квартир - сто двадцать пять.
Зал - для событий важных.
И холл – сидеть, плясать.

Есть место, где брожу я, -
Большой красивый двор.
Любую тварь живую
Зовет его простор.

Собаки забегают
В наш двор оставить след,
С деревьев, с крыш слетают
Пичуги на обед.

Семь кошек разномастных
Нашли себе приют.
Беглянок тех несчастных
Все кормит добрый люд.

Теперь они пушисты,
Ленивы и полны.
И ходят рядом крысы,
И все кругом дружны.

Кот рыжий и огромный
Полгода приходил,
Драчливый и нескромный,
Он все же изгнан был.

Шакал полгода бегал,
Всегда поесть готов.
Не раз еду отведал
Для кошек и котов.

Под вечер как-то змейка,
Во двор проникла вдруг,
Кошачья тут семейка
Вмиг собралась вокруг.

Ну трогать змейку сверху,
Когтями – вдоль спины.
Как делали б проверку
Натянутой струны.

И прыгали высоко,
Спасаясь от броска –
Таких шальных подскоков
Не видел я пока.

А рядом здесь – дорога.
По ней спешат авто.
Едва зевнул немного –
И не спасет никто.

Жестокие колеса
Раздавят тех котят,
Что вдаль бегут без спроса,
Когда поесть хотят.

Но новые малютки
Придут во двор играть,
Покинув те закутки,
Где грудь давала мать.

2013.

Диспут (Диспут о любви)

Спор о любви был не диспут,
Был это подлинный бой:
Каждый хотел утвердиться,
Всех поведя за собой.

Спорили жарко и шумно,
Правила спора забыв.
Тайной делились бездумно,
Веря: поймет коллектив.

Только за партою третьей,
Напряжена и бледна,
Будто чудовище встретив,
Стыла девчонка одна.

Стыла девчонка в тревоге,
Слов никаких не сказав,
И, по-иконному строги,
Правду таили глаза.

Эта девчонка любила.
Правда запретной была:
Чувства могучая сила
В темь, в неизвестность вела.

Ах, как она обожала
Мужа любимой сестры!
Ревности злые кинжалы
Сердце пронзали, остры.

Жить становилось не любо ...
Диспут девчонку пугал,
Будто жестоко и грубо
Кто-то одежду срывал.

Вдруг паренек-одноклассник,
Круглый отличник в году,
Всех удивил:
- Нет прекрасней
той, чьей улыбки я жду.

- Кто она?

- Не назову я:

Любит другого она.
Я ж ее душу живую
Вижу: страданья полна.

Я ей сочувствую очень:
Мне ли ее не понять?!
Пусть она знает: помочь ей -
Счастье всегда для меня ...

- Кто она? - вновь зашумели. -
Тайну свою нам открой!
... Очи девчонки теплели ...
Вот как бывает порой.

1978.

Жар-птица

Два славных друга у меня.
Мы одногодками росли,
И друг без друга даже дня
Прожить в то время не могли.

Была у каждого мечта,
Из сказки бережно взята:
Любой ценой, в любом краю
Жар-птицу отыскать свою.

Ученым Юрий стал. Весь мир
Его открытием удивлен.
Портрет Андрея - сувенир:
Весь мир его игрой пленен.

Известен миру я не стал.
Но я жар-птицу отыскал.
Та птица - взор моей жены,
С которой мы навек дружны.

1955.

ИЗ ЦИКЛА «УСМЕШКА»

Душа и плоть

Я знаю то, чего не знаешь ты.
Ты знаешь то, чего не знаю я.
Не схожи наши тайные мечты.
И в даль зовут не схожие края.

Зачем же вдруг так нежно обняла?
Зачем целуешь, веки опустив?
Душе моей не стала ты мила,
А плоть шальная - лжет. Ее - прости.

1946?

Исповедь курильщика

Когда-то и я,
Веселье любя,
Без меры вином упивался.
Я женщин любил,
Табак я курил
И жизнью, как мог, наслаждался.

Но мне уж давно
Постыло вино
И женщины мне надоели.
И только один
Табак-никотин
В моем накапливается теле ...

1949.

Экологу

Я ненавижу крокодилов,
Удавов, тигров, львов и змей,
Пираний - всех, кому так мило,
Так славно пожирать людей.

Что мне природы равновесье
И умиленье красных книг,
Когда весь ты, и он, и весь я -
Быть можем сожраны за миг.

2013.

Странный сон

(как бы поэма)

Не был я в Париже никогда.
Не был - и не надо. Не беда.
Почему же видел я вчера
Сон-кошмар, что мучил до утра?

Снилось: предо мною Нотр-Дам.
Минареты по его углам.
А вокруг - француз в чалмах идет.
По-арабски речь свою ведет.

Взмыл я вверх, плывет внизу земля.
Вижу Елисейские поля.
Мощною толпой француз идет.
По-арабски речь свою ведет.

Я на площадь Этуаль смотрю.
Снизу крик: - Спускайся, говорю!
А не то - зенитный пулемет
Кончит недозволенный полет!

Что ж, спустился ... Вдруг еврей бежит.
- Прячься, - мне кричит, - скорей, аид!
Улепетывай, не то убьют!
Здесь евреи больше не живут!

Здесь теперь Парижский халифат.
Он для нас, евреев, - сущий ад!
Все сбежали, кто остался жив ...
- Ну а ты?
- Шутом я здесь служил.

Но пришел и мой черед бежать,
Стал халиф мне смертью угрожать,
Раз тошнит его от тех острот,
Что рождает мой еврейский рот.

- Ну, так в Лондон! - громко я кричу. -
Англия еврею - по плечу!
Собеседник мой захохотал:
- Халифатом, друг, тот остров стал!

- Стало быть, в Германию наш путь!
Там уж доживем мы как-нибудь ...
- Там все то же, - пояснил мой гид. -
Только Русь по-русски говорит.

- Так туда скорей! – Нет места нам:
Православный на Руси ислам!
Хоть не надевают там чалму,
Молятся Аллаху самому.

- А Израиль что? Уж не живет?
- Палестиной мир его зовет.
- Там живут евреи или нет?
И услышал вот что я в ответ:

- Все евреи матушки-Земли
Постепенно в ту страну пришли,
А когда все вместе собрались,
Злобно меж собой передрались.

Звали все к единству на словах,
Но вражда засела в их делах.
Били атеистов харедим,
А потом – досталось крепко им.

Правые и левые дрались,
Будто самогону напильсь.
И капитализм, и коммунизм
Там сцепились на смерть, не на жизнь.

Каждый был умен, умнее всех,
Думать по-другому – просто грех!
И в пределах партии одной
Лидеры бодались головой.

- Хватит! – я надрывно завопил. -
Ты меня, мой милый, утомил.
Понял я все это. Ты скажи,
Наш народ в той Палестине жив?

- Жив, конечно: принял он ислам
С верой своих предков пополам.
Впрочем, там евреи – меньшинство,
В кнессете их четверо всего.

- Нет уж, - прошептал я, чуть дыша, -
В гавань! На корабль! И морем - в США!
Там, наверно, не такой народ:
Он демократически живет.

- Ты, возможно, прав, - он мне в ответ, -
Но туда давно дороги нет:
В небе и воде свой полушар
Приотгородили эти США.

Подчинили континент свой весь.
Всеамериканский там конгресс.
Мы о них не знаем ни шиша.
Может быть, ислам уже и в США.

- В Индию! – И там уже ислам!
- И в Китае? - Да, мой друг, и там.
В Африке, в Австралии, везде –
В воздухе, на суше и в воде.

- Что ж нам делать? Некуда бежать!
- Где-нибудь осесть, ислам принять –
И, подобно всем, за день пять раз
Совершать положенный намаз.

Я проснулся: утро уж давно,
Солнце улыбается в окно.
Не пророческий ли видел сон?
Очень уж похож на правду он.

13 февраля 2003 года.

Аэлита

Девушку звали чудно – Аэлита.
Имя дано было ей не Тускубом:
Мамой, работницею общепита -
Папой, директором клуба, супругом.

Мне же то имя казалось знаменьем,
Стройной, глазастой оно подходило.
Жаль, не владел я в ту пору уменьем
Душу открыть, что так сильно любила.

Радость при встрече - в глазах Аэлиты,
Но не решался тому я поверить:
В городе нашем красой знаменита,
Силой характера. Ум – не измерить.

И промолчал я, не бросился в ноги,
Лишь поздоровался: сильно смутился.
Если бы знал, что она уж в дороге!
Я бы, возможно, признаться решился ...

Годы промчались, и снова увидел
Я Аэлиту, солидную даму.
- Здравствуйте, друг мой! На вас я в обиде:
Мне не сказали вы слов долгожданных,

Скрылись куда-то ... Лишь через полвека
Вновь объявились, но - старым евреем,
Тенью печальной того человека.
Что нам с того, что душой не стареем?

Дважды была я женой. Многократно
Резвых любовников силы лишала.
- Много ль их было? – Задело?! Понятно ...
Сколько бы ни было, я не считала ...

В жизни один только раз я любила.
Вас одного бы в мужа пожелала.
Мне и самой это странно так было.
Долго признанья от вас ожидала.

Не дождалась. На другой вы женились.
Слышала я от людей: вы несчастны.
С ней расходились вы, снова сходились.
Вовсе уехали. Тоже – напрасно.

Бросили вы, словно старую обувь,
Старых друзей, что добра вам желали.
Самое странное – то, что мы оба
Встретились здесь, в не задуманной дали.

Вот уж три года, как я овдовела,
Радость моя – это дети, внучата.
Все еще любите? Нет до вас дела.
В этом вы сами, мой друг, виноваты.

2005.

Опоздала ...

Сказала, что мои красивы губы,
Что рук нежнее в жизни не встречала,
Что век со мной жила на берегу бы
Под лодкой у дощатого причала.

А я тебе не верил, потому что
Под лодкой не прожить у нас и летом:
Мой Омск не Геленджик и не Алушта
(Зимой проще убедиться в этом).

Сказала, что умом я обладаю
Каким-то необъятным, необычным,
Что для меня готова, молодая,
Пожертвовать любым расчетом личным.

В такую жертву смог бы я поверить,
Поняв расчет, что кроется за нею.
А ум ... Что ум? Его нельзя измерить,
Коль сам хотя бы вдвое не умнее.

Сказала, что могу любовью страстной
Пылать, что просто сам того не знаю,
Что должен я ласкать тебя всечасно,
Что ты - моя любимая, родная ...

Поверить сам хотел в твои слова я
Иль как-то убедить меня сумела?
Забывших снов блаженство узнавая,
Тебя в объятия принял я несмело.

Тогда сказала, что хоть век лежала б
Вот так же. Но - законною женою.
Что не было б ворчанья, ссор и жалоб -
Была бы ты заботою сплошною.

И крикнул я в досаде: - Почему ты
Слова всеобщей формулы сказала?!
Когда-то я поверил. С той минуты
Всю веру растерял ... Ты опоздала.

1960-е.

На закате

Я шел по аллее к морю,
Свой взор устремив к горизонту,
Где пряталось красное солнце.
Аллея пустынна была.

И мне показалось внезапно,
Что в мире один я остался –
И к морю иду я исчезнуть ...
И в страхе замедлил я шаг ...

Но все же дошел я до моря,
Зеркального теплого моря,
А плавал совсем я недолго:
Пока не пришла темнота.

Не знал я, что берег пустынный
Покинули в ужасе раньше:
Огромная злая акула
Явилась людьми закусить.

Сентябрь 2005 года.

Шестерки царские

Всегда во все тысячелетья
Вокруг всеильного царя
Толпились в грязном беспросветье
Рабы, творя и говоря

Все, что правителю угодно.
Взамен - объедки со стола ...
И это было славно, модно,
И совесть гневная спала.

Те беспросветные подонки,
Работы тяжелой не любя,
Продали глубь своей душонки,
Чтоб обеспечивать себя.

В высоты в двадцать первом веке
Наука с техникой взвились,
Но в раболепном человеке
Открытья не отозвались.

Как прежде, лезут к трону ближе:
Объедки царские пожрать.
И, ненавидя, ж ... лижут,
И без любви скользнут в кровать.

Кого прикажет царь, освищут,
Убьют, засудят. Все, как встарь.
Умы рабов объедки ищут –
И этим пользуется царь.

Декабрь 2010 года.

Хныканье

Как страшно, как ужасно
Быть слабым, тонким, хилым,
Как глупо и опасно
Любимой стать немилым.

Как тяжело, горько, больно,
Все ясно понимая,
Влачить свой век безвольно
От мая и до мая.

Как до слезы обидно
Задатки, ум и слово
Растрачивать постыдно
В метаньях бестолковых.

Как жутко признаваться
В ошибках и пороках.
Как трудно избавляться
От гнили, что глубоко.

Как на душе теплее
От тех, кто просто любит.
Кто просто пожалеет,
Поймет и приголубит.

2004?

Виртуальная нимфа

Бродя, скользя по тихим джунглям Интернета,
Был очарован светлой прелестью портрета:
То был портрет веселой нимфы златокудрой,
Отнявший вмиг соображенья холод мудрый.

Воображением зажегшимся рисую
Простоволосую, нагую и босую –
Она проглядывается сквозь зелень листьев,
Она прекрасна, озорна, в ней – хитрость лисья.

О нимфа смелая, красавица лесная!
Ее поймать хочу, совсем лишился сна я.
Она ж смеется и смеется надо мною,
И устаю я, не угнавшись за шальнойю.

Вдруг подпустила. Но печаль в очах бездонных
Мне рассказала о желаньях потаенных,
О тихой нежности и страсти, буре грозной,
И о томленьях ясной ночью многозвездной.

Тут нимфа снова улыбнулась. Но - устало.
И почему-то сердцу очень больно стало.
И вмиг мое воображенье отключилось,
И в серый мир сознания мудрость возвратилось.

Послала мудрость горестно призыв не сложный:
Ты в виртуальный мир ходи поосторожней!
Рукою плоти ты ту нимфу не достанешь,
А пить и есть, писать стихи ты перестанешь ...

6 декабря 2012 года.

Баллада о проститутке

Это было где-то в Штатах.
Там цвела, в любовь ввергая,
То ль недавно, то ль когда-то
Проститутка дорогая.

Все в ней пело и дразнило:
Взлет груди, бедра изгибы.
Если б взором поманила,
Устоять вы не смогли бы.

Все готов был тот отдать ей,
Кто ее однажды встретил.
Кто достиг ее объятий,
Жить без них не мог на свете.

И прослышали об этом
Двое славных братьев Джером
(Младший, Томас, был поэтом.
Старший, Билл, миллионером).

Собрались они в два счета,
В самолет домашний сели,
Через два часа полета
Были у желанной цели.

Билл увидел деву первый -
От восторга онемел он.
Натянулись струны-нервы,
Стал богач, как стенка, белым.

Крикнул сдавленно и глухо:
- Полюби меня сейчас же!
К чорту лысину и брюхо:
Я богат - и очень даже!

Улыбнулась проститутка:
- Ты богат, я много стою.
Полюбить тебя? Вот тут-то
Мне не справиться с собою.

А услуги ты получишь,
Как любой, кто мне заплатит.
Он свое: - Зачем ты мучишь?
Полюби! И горько плачет.

Тут ворвался Томас, младший.
Вспыхнул он, как взрыва пламя.
Всхлипнул: - Кто ты? Ангел падший?
Боже, смилуйся над нами!
Будь вовек благословенна,
Красоты людской царица!
Украшение Вселенной,
Пред тобой весь мир склонится!

И, в порыве вдохновенья
Рифмы томные слагая,
Опустился на колени ...
Встала дева молодая.

Взор - туман, на шее - пятна:
Не ждала любовных гимнов.
- Отдаюсь тебе бесплатно!
- Нет, молю любви взаимной!

Та в ответ: - Ее не дам я,
Потому что, знай, другого
Я люблю и с ним свиданья
Жду, как солнца золотого.

Вдруг вошел сержант-детина.
- Вот любовь моя! - сказала
И на негра-исполина
Нежным взором указала.
И, таить не в силах ласку,
С ним в обнимку удалилась.
Сбросил он мундир и каску,
Лишь за ними дверь закрылась.

И, дрожа от нетерпенья,
Рвал одежду на обоих.
Через малое мгновенье
Мял он деву под собою.
- Ах, люблю, - она кричала,
Завывая, как волчица.
И стонала. И рычала.
Не могла угомониться.

Крепко уши затыкая,
Горбясь, вышли оба брата ...
Да ... Любовь ... Она такая ...
Впрочем, это было в Штатах.

1980?

В полночь
(Ночной разговор)

Они гуляли теплой ночью летней.
Смеялась, друга слушая, Она.
Он был охвачен страстью межпланетной.
Она же – по земному влюблена.

Он говорил о безднах увлеченно,
О схожести всеобщего родства,
О скрытых в массе многомиллионной
Подобных нам разумных существах:

- Они среди нас!

И вдруг спросил, бледнея,
Смогла бы полюбить его иль нет,
Узнав, что прибыл он сюда за нею
С одной из галактических планет.

Она смеяться сразу перестала.
Тоскливо посмотрела на него
И, попрощавшись горько и устало,
Ушла во тьму от друга своего.

С ее антенны в искрах полуночных
Сорвался в Космос радиосигнал:
- Как быть? Прошу я указаний срочных:
Землянин правду, кажется, узнал!

1976.

Спор (Золотая свадьба)

Однажды Лебедей чета
Всех птиц на праздник пригласила -

И золотая свадьба та
Была для их друзей свята:
Ведь серых будней маята
Любви двух птиц не угасила.

Какая свадьба без вина?!
И здесь кричали: - Пей до дна!

Вдруг видят: старый Лебедь встал -
Стихи подруге он читал.

Любовью, нежностью светясь,
К супругу вся оборотясь,
Лебедушка всплакнула -
В ушко ему шепнула.

И он ей тоже прошептал,
Но что - никто не услышал.
Лишь догадались (кто сумел).
А впрочем, каждый пил и ел.

- Давно у них огонь потух! -
Прокукарекал тут Петух. -
А я топчу! И - всех подряд!
И тем горжусь! Мне - чорт не брат!
Пока не стар - гуляю, пью!
Кто помешает - заклюю!

Кукушка, захмелев, зевнула:
- И я от жизни хватанула!
Красу и силу сберегая,
Яйцо кладу в гнездо врага я:
Пусть с ним повозится другая!
И пусть поможет ей, хи-хи,
Болван, читающий стихи.

Кто прав? Где правда? Спорят птицы,
На партии пошли делиться,

Их спор все громче. Все острее!
Здесь - славят старых Лебедей,
Там - громко хвалят Петуха,
Иным - Кукушка неплоха ...

Взмахнув крылами, встал Орел
И взглядом медленным обвел
Притихших птиц в банкетном зале:
- Вы спор напрасно развязали.
Вопросу трудному ответ
Всем явится на склоне лет ...

1992.

Жена

Вчера ли я в ночь новолуния
Слова роковые сказал?
Вчера ли девчонку-шалунью
Женой удивленно назвал?

Нас яростно, зло притирали
Семейной судьбы жернова -
И гордость, и гнев умирjali,
Чтоб связь оставалась жива.

Пол-века шагал я с женою
Сквозь бури, туманы и дым.
Не знаю, как шел бы с иною,
Как ей бы шагалось с иным.

Не знаю - и знать не желаю:
Один только раз мы живем.
Ворча,
    спотыкаясь,
        шагаю
С усталой шалуньей вдвоем.

Алкаши

Не тают еще туманы.
На улицах - ни души.
Лишь в сквере шумят, чуть пьяны,
Веселые алкаши.
Им надо опохмелиться,
Иначе - пропал, пиши.
Глоток - и светлеют лица:
Включаются алкаши.

Майор отставной и грузчик
Равны здесь и хороши.
В осадке житейской гущи
Братаются алкаши.
Кричат мне: - Постой! Куда ты?
Стопарик-то осуши!
Сегодня вы - кандидаты,
А завтра вы - алкаши.

1997.

Антибаллада

С малых лет был ты злобно смелым,
Зависть елку в сердце грея
К тем, кто чист и душой, и телом,
Кто красивей, умней, сильнее.

Ты убил и ограбил дерзко
Ту, что люльку твою качала -
И в душе твоей дикой, зверской,
Совесь мертвая замолчала.

Изнасиловал ты с разгона
Нецелованную невинность -
Ту, что свечи несла иконам,
О спасеньи твоём молилась.

Ты не веришь в Добро и в Чудо.
Бестолковый и беззаботный,
Хриплым басом клянeshь Иуду,
Но Христа бы распял охотней.

1990.

Нимфа и сатир

Видел однажды у озера чистого
Нимфу-красавицу старый сатир.
Нимфа стояла в ручье, обнаженная.
Дивное тело ручей омывал.

Кашлянув глухо, сатир отвратительный
Вмиг очарованным камнем застыл.
Что ж это? Прошлого будто и не было.
Не было Солнца, Земли и Небес.

Был лишь невиданный Миг Откровения,
Власти таинственных сил Красоты.
Разум сатира померк. Из груди его
Вырвался хриплый, болезненный стон.

Нимфа услышала стон этот жалобный,
И улыбнувшись, сказала: - Уйди,
Мук лицезренья тебе уж не вынести.
Скройся, несчастный, в веселом лесу.

Слушай пернатых счастливое пение,
Спелые ягоды с веток срывай,
Вкусных грибков сыроежек отведывай,
Спелых древесных плодов не забудь.

Я же найду молодого, красивого.
Смело отдамся ему без стыда,
Нимфа вовеки не может состариться,
Вечно с любовью дружу я, старик.

Ты же, наевшись, вздремни и во сне своем
Можешь ты снова увидеть меня –
И овладеть мной со страстью немалою
И, пробудившись, хвалить Небеса.

2 декабря 2012 года.

Было ли?

Это было? Иль, может, не было?
Может, все это мне приснилось:
Как закусывали без хлеба мы,
Как вино на свету искрилось.

Спит бутылка пустою тарою,
И пусты, как душа, стаканы.
Рядом с ними гуляют парою
Развеселые тараканы.

1978.

Вот так ...

Вчера ли увидел впервые
Я ту, что совсем не искал?
Вчера ли слова роковые,
Не думая, тихо сказал?

И вот я, старик, со старухой
У синего моря живу
И рыбку, лишённую слуха,
В мой невод дырявый зову.

1996.

Встреча

Я шел, привычный путь лелея,
Любуясь матушкой Москвой,
Вдруг через сеть дождя-злодея
Прорвался стан волшебный твой.

Откуда? Храм любви покинув,
То камень-дева ожила
Иль нашалившую богиню
С Олимпа Гера низвела?

Я, позабыв свой путь привычный,
Охвачен полем силовым,
Пошел за девою столичной,
Маршрутом ехал кольцевым.

Мне повезло: с тобою рядом
В вагоне шумном я сидел.
Насмешливым закован взглядом,
Я тем не менее летел,

Воображеньем покоряя
Ширь неба, моря глубину,
Вселенной тайны отворяя,
Чтоб не терять тебя одну.

Твой нежный голос я услышал,
Задав придуманный вопрос.
С тобою из вагона вышел -
И к полу накрепко прирос:

Слова прощанья ты сказала.
Был голос нов: морозил он,
Как ветер зимнего Ямала;
Давил он, как плотин бетон.

Что ж, натянул я крепко вожжи
Крылатого коня мечты -
Случайно встреченный прохожий,
Которого не вспомнишь ты.

1978.

Усмешка

Змеею тихой старость подползла,
Хоть неизбежна, но горька и зла:
Невкусно стало все, цвета - бледней,
Ускорился поток ночей и дней,

И даже эротические сны
Скучны, однообразны и пресны.
Одна лишь совесть не дает скучать -
Былых ошибок жгучая печать.

1995.

Ночь на старой даче

Ты войти в меня сумела
До невысказанных границ.
Благодарно и несмело
Пред богиней пал я ниц.

Ты ли так меня хотела,
Я ли так тебя хотел,
Что в таинственность взлетела
Пара душ и пара тел?

Не вздремнуть на даче – где там?!
Властен зов твоей руки ...
Ах, как жаль, что жарким летом
Ночи счастья коротки!

Почему же я боялся
Стать рабом красы твоей -
И сбежал, с судьбой расстался,
С песнею счастливых дней?

Снова ночь на старой даче
Вспомнилась, как дивный сон.
Жизнь сложилась бы иначе,
Если б не прервался он?

Долго ль вместе мы б остались?
Были б счастливы вдвоем?
Или вдруг бы разбежались
Пасмурным осенним днем?

2008

ИЗ ЦИКЛА «БАСНИ»

БАСНЯ БЕЗ МОРАЛИ

Служил усердно Воробей
В конторе птичьего правленья,
Где много месяцев и дней
Его ценили, без сомненья.

Но вот пришел приказ Орла
О сокращенье лишних штатов -
Наш Воробей сдает дела ...
Вздыхает Ястреб: - Вот утрата!

Трудоустроил я Сорок,
Сыскал Кукушкам я работу,
От сокращенья уберег
Ворону-Белую, но Кто-то
Велел уволить Воробья ...

Начальник Ястреб продолжает:
- Шепнул мне Филин, что семья
у Воробьишки пострадает.

Бедняга не обзавелся
За много лет гнездом приличным,
Остался без зерна овса -
И причинит хлопот, глядишь, нам ...

Но тот молчал. За массой дел
Стал Ястреб забывать о малом.
Что ж Воробей? Не спал, не ел.
Едва ходил - уж не летал он ...

Трещит на улице мороз,
Светило зимнее не греет.
А на снегу, меж двух берез,
Труп воробьиный коченеет.

Мораль у каждой басни есть.
Все басни пишут для морали.
Она нужна была б и здесь.
Но мертвому нужна едва ли ...

1963.

Лесок и Пожар

Был где-то маленький Лесок
От гибели на волосок.
Спасти его бы мог, поверь,
Лесной объединенный зверь.(

Но оттесняет в том Лесу
От всех кормушек Волк Лису,
Его ж теснит, рыча, Медведь -
И так все сильные, заметь.

К Медведю ли, к Лисе ль, иль к Волку
Взывать о долге – мало толку.
Коль слабые собьются в стадо –
Слабейший – хищнику награда.

Поскольку так уж повелось,
Что Волку пищей служит Лось.
А Зайца, точно, съест Лиса.
Тут не помогут чудеса.

Все знали: надо Лес хранить.
Он может иль сгореть, иль сгнить.
Да было зверям недосуг.
И тут Пожар явился вдруг.

Он по траве прокрался в лес.
Он начал с тоненьких деревьев,
Во вкус вошел – горит сильнее,
Все ширится, трещит, наглея.

Могли б его остановить,
Коль дружно путь загородить.
Не тут-то было: звери – врозь.
Пожар хохочет, жжет насквозь.

Трава, деревья и кусты
Горят среди мерзкой суеты
Разрозненных лесных зверей,
Что спорят – кто умней, храбрей.

Пожар сжигает все подряд,
И стал уж лес – не лес, а ад.
Сбегают звери, кто как смог,
Не разбирают уж дорог.

Забыли диспуты и споры.
Галопом, рысью – лишь бы скоро -
Бегут, куда глаза глядят,
Друг друга даже не едят.

Одни бобры взялись, как надо:
Прогрызли просеку-преграду.
Так остановлен был обжора,
Он ослабел – и умер скоро.

Тогда вернулись все, кто жив,
Бобров не поблагодарив.
И даже хуже – съели их,
Поскольку голод был велик.

И снова – споры: кто храбрей,
Талантливей, умней, добрей.
И вновь – пожар. Он зол, суров,
Жесток. Но – нет уже Бобров.

Морали ждешь, мой добрый друг?
Найдешь – не выпустишь из рук?
Найти ее – совсем не долго,
Когда взывает чувство долга.

Она стара, но душу мучит:
История глупцов не учит.

28 ноября 2013 года.

Свиное новаторство

Задумала свинья писать стихи
И музыку. О том мечтала с детства.
- Мои шедевры будут не плохи! –
Промолвила отнюдь не без кокетства.

Взяла перо копытом не спеша.
Уперлась пяточком в пенек древесный.
И сладострастно хрюкала, дыша
Предчувствием награды неизвестной.

- О чем же ты, шедевр великий мой? –
Задумалась хавронья на минуту. –
Секс! Секс! Ты будешь песней, всем родной,
Любимой, распеваемой повсюду.

Скрипит перо и стонет клена лист.
И хрюканье строкой на нем ложится.
И стая крыс (откуда-то взялись?!)
Пищит в восторге: - Как не умилиться?!

Вот копии всем крысам вручены,
Они пищат, хавронью прославляя:
- Ах, песня! Вот такие нам нужны!
Все пойте эту песню, не смолкая!

Услышав это хрюканье и писк,
Великий Соловей, певец Природы,
Умолк, сбежал в густой он кипарис
На долгие, не считанные годы.

А все живье земли, небес, воды
Охвачено вполне животным чувством,
Пищит и хрюкает на все лады,
Расставшись слепо с подлинным искусством.

Вершится небывалое вокруг:
От новых песен звери, рыбы, птицы
Не замечают, как успели вдруг
В хавронью или крысу превратиться.

Мораль ясна: коль хрюканье в чести,
Высокое искусство позабыто,
Садам Любви уж больше не цвести.
Она захрюкана, она убита.

29 11 2013.

Медведь на плотине

Все знают: там беда бывает,
Где глупый умным управляет.

***

Миролюбивы и добры,
Работой славились Бобры.

Медведя сверху шефом дали,
Хоть нужен был он им едва ли:

Трудом растят добро свое,
Хранят плотину и жилье,
Детей, как прежде, обучают.
Но вдруг Медведя замечают:

Схватил Бобра он одного,
Не хочет слушать ничего,
Ревет и яростно кусает,
Грозит, что вовсе растерзает

За то, что пел он по дороге -
Мешал начальству спать в берлоге.
Едва вступив с Медведем в спор,
И впрямь растерзан был Бобер.

***

О труженик, мораль проста:
Не пой близ высшего поста.
Возможно, там засел Медведь.
Не лучше ль жить, чем песни петь?

2011.

Енот и НОТ

Назначенный начальником Енот
Узнал, что всюду вводят НОТ.
Пытаясь не отстать,
Енот
Про НОТ
Литературу стал читать.

Забросив все дела на свете,
Сидел за книгой в кабинете ...

Промчался год
И вот
Енот
Доклады делать стал про НОТ.
Иной раз два доклада за день проводил.
Но, как и прежде, не руководил ...
Развесил всюду графики, таблицы -
Но не хотел упрямый НОТ внедриться.

Баран, трудолюбивый зам,
Такое видя, попытался сам
Руководить.
Чтоб НОТ практически внедрить.
Но, не имея ни ума, ни знания,
Запутал все и бляял по-бараньи ...

Стал Филин-ветеран пенять Еноту -
Тот прошипел:
- Другую поищи работу.
Ушел за Филином Бобер,
Что так умом хитер,
Трудолюбив, толков -
Енот гадюк набрал, волков ...

Дела такие тут пошли,
Что самого Орла к Еноту привели.

Поджали Волки хвост, завыли.
Их не узнать - они ли?
Гадюки в щель забились -
И затаились.

Баран лекарства пьет
И в туалет за разом раз идет.
Один Енот
Награды ждет
За НОТ ...

Орлиный глаз и верен, и остер:
- Где труженик Бобер?
Где мудрый Филин?
Енот! Баран! Вы дело погубили!

Обман -
Доклады ваши и таблицы,
Коль у Волков хмельные лица,
Гадюки в сплетнях утонули,
А Свины все в грязи заснули.

Не дам поганить НОТ!
И вмиг растерзан был Енот ...

Отделался Баран
Полдюжиною легких ран ...
***

Мы в баснях не искали бы морали,
Когда б Енотам НОТ не доверяли.

1978.

Дуэль

Семья у Рыжих не плоха:
На восемь кур - два петуха.
У Белого - семья из двух:
Одна наседка - и петух ...

- Одну хохлатку стыд пасти,
Коль хватит сил для десяти, -
Решает Белый Петушок,
Клюет соседкин гребешок.

Забора меж дворами нет,
К соседкам зачастил сосед.
Два брата Рыжих, как огонь,
Взъярились: - Белый, охолонь!

Уймись, прохвост, не то вдвоем
Тебя мы насмерть заключаем.
Нейметя Белому - и вот
Смертельный бой уже идет ...

Слабеет Белый: два бойца
Его терзают без конца,
Но, как-то изловчившись, тот
Глаза врагам своим клюет ...

Ослепли Рыжие. А он
Издав последний хриплый стон ...
Гагакнул Гусь: - Га! Как я рад!
Развратник сам был виноват!

Индюк бубнит: - Мне жаль его,
Нельзя вдвоем на одного ...

- Была б задача не сложна,
Легко решилась бы она:
Огородить ли Рыжих двух,
Иль Белому дать семь подруг;
Еще верней и то, и то:
Тогда б не начал бой никто.

Так думал Филин. Потому
Что издавна ясна ему
Мораль: несчастны Петухи,
Коль их Хозяева плохи.

1992? 1993?

Сам и Зам

В далеком царстве тридевятиом,
За трижды тридесять земель
Трудилась некая артель -
И шли своим путем дела там.

Не смысла ни в едином деле,
Считался главным важный Сам.
Все погубил бы он, но Зам
Спасал судьбу и жизнь артели.

Сам разъезжал по белу свету,
В президиумах Сам сидел.
А Зам порой не спал, не ел,
Артель держа в порядке эту.

Но он устал. Все надоело.
Спросил: - Зачем нам нужен Сам,
Который вред приносит нам?
Потребовал собранья смело.

Идет собранье. Подхалимы
На Зама грязь ушатом льют,
Чуть не в глаза ему плюют -
И знают: Сам доволен ими.

Так обеспечено решенье:
Уволить Зама, гнать взашей,
Есть и моложе, и умней,
Любой пойдет на повышенье.

С тех пор полгода пролетело -
И с шумом рухнула артель ...
Так то ж за тридевять земель -
Нам до того нет вовсе дела.

Пусть так. Но знать не грех бы вам,
Где Зам, куда девался Сам:
Зам от инфаркта умер вскоре,
Сам - служит сторожем в конторе.

1977.

Слон и Коза

Коза увидела Слона
И молвила: - Какой огромный!
Ему гора еды нужна,
Меж тем как рацион мой – скромный.

Даю я людям молоко,
Они во мне души не чают.

Подняв свой хобот высоко,
Ей Слон с улыбкой отвечает:

- Да, не сравнить наш рацион,
Но так судить, мой друг, негоже:
Ведь то, что в день свершает Слон,
Коза вовек свершить не сможет.

2010.

Об авторе и его творчестве.

Александр Абрамович Герзон родился в 1927 году в Киеве, в семье врача Абрама Исаковича Герзона и Софьи Давидовны Герзон. Девичья фамилия матери – Гильскер.

Вскоре после рождения сына семья уезжает в деревню, где прошли первые семь лет его жизни, где он овладел украинской и русской речью, научился читать, начал декламировать. Мать своим примером учит декламировать, она также поет – он запоминает, улавливает эмоции.

В Киеве, куда вернулась семья, он обучается в русской школе, отец учит его мыслить, рассуждать, упорно искать решение задачи.

В связи с тяжелым заболеванием сына Герзоны вынуждены переехать в Алупку, где на мальчика огромное влияние оказывает преподаватель русского языка и литературы Елена Александровна Энглези-Провоторова. Она учит понимать литературу и писателя, появляется желание стать писателем. И декламатором. Он участвует в художественной самодеятельности школы и санатория, где работают его родители-врачи.

В 1941 году семья возвращается в Киев, но война рушит и планы, и надежды. Герзоны эвакуируются на Кубань, затем год живут в Вольске Саратовской области, в тяжелых условиях. Преподаватель русского языка и литературы ставит мальчику единицы за изложения и сочинения, игнорируя их содержание: он неграмотно обращается со знаками препинания. Желание стать писателем увядает.

Затем - Тюмень. Голодно и холодно так же, как в Вольске. Но именно здесь в ледяной комнате, разогревая дыханием замерзшие чернила, девятиклассник пишет веселое, радостное сочинение «День ученика» – собирающее несколько памятных событий как бы в один день в Алупке. Преподаватель читает опус классу. Хвалит.

Затем Герзон работает на военном заводе токарем и слесарем по 12 часов в дневную и ночную смены, перевыполняя нормы. Но вскоре его увольняют в связи с тяжелым заболеванием.

Он едет в Омск, к тете Лии, поступает в авиационный техникум, где учится средне, но руководит концертной бригадой, участвует в спектаклях. Влюбляясь, дарит девушкам любовные стихи, эти экспромты уже через день не может вспомнить.

Работает на заводе технологом, конструктором, экспериментатором.

В 1948 году женится на студентке Иде Фориго, увольняется с завода, бросив политехнический институт (вечернее отделение), и поступает в педагогический на историко-филологический факультет.

Учится хорошо. Еще будучи студентом, преподает логику и психологию в мужской школе.

В вузе участвует в театральном коллективе, выступает как конференсье и вокалист.

При распределении послан в Тарский район (север Омской области) директором семилетней школы. Школа - тяжелая, но новый директор полон оптимизма и энергии, и школа выходит на одно из первых мест в районе не только по успеваемости, но и по спорту, по художественной самодеятельности.

В Тарской районной газете «Ленинский путь» печатают его стихи, рассказы, статьи и фельетоны. Звучит 27 минут по областному радио новелла Герзона «Раздумье» (под псевдонимом Александр Абрамов).

В Таре он встречается с Сергеем Павловичем Залыгиным, который дает анализ ряда рассказов, помогает молодому автору многое понять.

Герзон активно участвует в художественной самодеятельности Тарского Дома учителя как исполнитель романсов и оперных арий благодаря помощи концертмейстера (ссылный Михаил Николаевич Зенгбуш на общественных началах обучал вокалу несколько человек в Доме учителя, сам же им всем аккомпанировал).

Ставит Герзон пьесу «Крестьянин Тимофеев», где исполняет роль наркомана-офицера, пишет музыку для двух песен в этой пьесе.

Отдав Таре шесть лет, возвращается в Омск, работает в многотиражной газете строительного треста, затем - помощником управляющего этим трестом.

В 1961 году поступает старшим инспектором в Областное управление культуры, где курирует охрану памятников культуры, работу музеев, музыкальных и художественных школ, двух училищ.

Около года заведует педагогической частью тюза.

Преподает общественные дисциплины в музыкальном училище пятнадцать лет.

С 1969 по 1974 годы - директор музея изобразительных искусств.

В Омске рассказы и стихи Александра Герзона, очерки и статьи, рецензии на спектакли и концерты, публикуются в областных газетах, на радио и телевидении.

Написан в это время ряд пьес. Мюзикл-детектив «Сорвите маски» создан в 1975 году в соавторстве с режиссером Александром Зыковым, консультируют два подполковника: С.И. Хай и Э.Д. Ваулин (музыка московского композитора Иосифа Тамарина). Он одобрен омскими музыкантами, управлением МВД, но худсовет театра музыкальной комедии предлагает переработать и либретто, и музыку. Это предложение авторы отвергают. Текст либретто погибает в пожаре.

С 1978 по 1992 годы семья живет в Красногорске Московской области. Герзон преподает общественные дисциплины в медицинском училище до самой пенсии. Пишет ряд стихотворений, рассказов и сказку «Счастье». Начинает ряд повестей. Его печатают в газете «Авангард». Несколько стихотворений публикует газета «Зов» (Москва).

В ЗНУИ Герзон оканчивает курс актера, затем - режиссера. Оба диплома - с оценкой «отлично». Создает самодеятельный театр «Поиск».

На пенсии он лифтер в госпитале, работает ассистентом режиссера и консультантом по декламации в народном театре «Зеркало».

В сентябре 1992 года репатрируется в Израиль.

Работает разносчиком рекламы, садовником, сторожем детского сада, моет подъезды, месяц преподает русский язык в «Джойнте».

До сорока стихотворений и семь рассказов публикуются в русскоязычной газете «Новости недели».

Пишет ряд одноактных пьес. Затем создает свой сайт в Интернете, где размещает как опубликованные произведения, так и не изданные.

Издано восемь книг Александра Герзона.

Сборник фантастики «Его звали Боб» (Москва, «Тиссо») включает фантастические рассказы из предыдущих трех небольших сборников. По сути это – напряженные размышления автора, серьезно обеспокоенного будущим сегодняшнего Человечества.

Остальные книги изданы в Израиле (издательство «Исрадон»).

Сборник «Контрасты» включает автобиографическую повесть о детстве еврейского мальчика Арика Гордона в СССР – «Первый тайм», приключенческую и одновременно детективную повесть о жизни и приключениях инженера Самойлова «Судьба», психологический детектив «Ведьма», а также ряд рассказов, написанных и частично опубликованных в разные годы в газетах.

В книге «Ахиня Аарона, или искушение старого грешника» действие охватывает всего один год: то ли 1990, то ли 1992, возможно, 1993 или 1994. Но при этом то и дело совершаются короткие экскурсии в прошлое и в будущее. В реальное напряженное повествование о буднях репатрианта Аарона Гордона внесены космические ведьмы, толкающие сопротивляющегося их натиску героя повествования к суициду.

Вставлены в разных местах фрагменты стихотворений автора.

Рассказы сборника «Глаза любви» в основном – о высоком чувстве, о верности и преданности любимых и любящих. Включены рассказы из предыдущих сборников: «Черный лебедь», «Астра и Дружок», «Без любви» – и других, а также рассказы 2009-2010 годов: драматическая и в то же время гуманная новелла «Страшилище», фантастический и горький «Вирус «Каррес», трагические «Внучка» и «Рахилька».

«Аннигиляция» – повесть о печальной судьбе Марлена Менделеева, в котором грозные события включают шизофрению. Лечение переводит ее в форму вяло текущую. Но новые неожиданные повороты судьбы приводят к трагическому финалу.

«Еврейчик» – повесть о жизни и приключениях Льва Моисеевича Абрамовича – юноши из еврейского местечка, ставшего солдатом во время Первой мировой войны, примкнувшего к большевикам, работавшего в уголовном розыске, выполнявшем задание за рубежом во время Второй мировой войны и изгнанном с работы во время гонений на евреев в СССР.

В книге «Одиннадцать ночных рассказов» повествование с прологом и эпилогом ведется от первого лица. Прибыв в гостиницу, рассказчик вынужден остановиться в одиннадцатиместном номере, где изрядно подвыпившие постояльцы рассказывают истории своих любовных приключений.

Сборник «Нет, не забыл я ...» включает стихотворения двенадцати циклов. Отбирались лучшие, по мнению автора.

В 2012 году Александр Герзон стал лауреатом Международного литературного конкурса имени Виктора Шнитке в Москве.

В представляемом читателю сборнике «Два ангела» содержатся почти все стихотворения, не вошедшие в первый сборник «Нет, не забыл я ...». При этом включались весьма неравноценные опусы. Не включены в основном стихи не по их художественным качествам, а по сомнительному, с точки зрения автора, содержанию.